

Л. Н. Мурзин

ОСНОВЫ ДЕРИВАТОЛОГИИ

ЭКЗЕМПЛЯР
ЧИТАЛЬНОГО
ЗАЛА

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Пермский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. А.М.Горького

Л.Н. МУРЗИН

О С Н О В Ы Д Е Р И В А Т О Л О Г И И
Конспект лекций

1043205

Пермь 1984

Л.Н. Мурзин. Основы дериватологии. Конспект лекций. - Пермь: Перм. ун-т, 1984. - 56 с.

В лекциях кратко изложена общая теория деривации и методика исследования процессов образования слова и предложения. Лекции рассчитаны на студентов старших курсов филологических факультетов, но могут быть использованы специалистами по общему языкознанию, словообразованию и синтаксису.

Рецензенты: кафедра немецкого языка Пермского педагогического института; старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР Е.Л. Гинзбург

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Пермского университета

Темплан 1984, поз. 1501

Редактор Е.А. Огиенко

Технический редактор Л.Г. Подорова

Корректор О.В. Белодед

Подписано в печать 12.11.84. Формат 60x84¹/16.
Бум. тип. № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,25.
Уч.-изд. л. 3. Тираж 700 экз. Цена 12 к. Заказ 800

Редакционно-издательский отдел Пермского университета.
614600. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского университета.
614600. Пермь, ул. Букирева, 15

Лекция I

К СТАНОВЛЕНИЮ ДЕРИВАТОЛОГИИ

В 1981 г. в Пермском университете состоялась научная конференция "Теоретические проблемы дериватологии". В ней приняли участие более 100 человек из Москвы, Ленинграда, Кишинева, Воронежа, Ташкента, Калининграда, Казани, Уфы и других городов. Следовательно, эта конференция была достаточно представительной. Лингвисты, съехавшиеся в Пермь, являлись специалистами в области словообразования, синтаксиса, семантики и текста. Что их объединяло?

Общепризнанным направлением в исследовании языка, языка вообще, в данном случае – русского, английского, французского, немецкого. До недавнего времени "словообразователи" чувствовали себя довольно независимыми от синтаксистов и наоборот, и если была между ними "перекличка", то лишь в той степени, в какой все они лингвисты, изучающие хотя и отдельные стороны, но одного и того же объекта – языка. Как оказалось, все эти специалисты исследуют по существу одно и то же (скажем осторожнее – почти одно и то же), только на разном материале. Тождество предмета изучения и было достаточно четко эксплицитовано (явно представлено) на упомянутой конференции. Не случайно ее участники без каких-либо возражений (можно сказать, единогласно, хотя, конечно, никто не голосовал) приняли термин дериватология как название того направления, в русле которого развиваются определенные словообразовательные, синтаксические, семантические исследования языка и текста. О теоретических основах этого направления и пойдет ниже речь. В данной лекции мы дадим понятие о дериватологии и кратко остановимся на истории ее возникновения.

Этимологически дериватология означает учение о деривации. В лингвистике под деривацией (от лат. *derivare* – отклонять) до недавнего времени понималось лишь образование слов (деривация = словообразование). Однако дериватология не тождественна науке о словообразовании. Это наука о деривации в более широком смысле. Деривация есть процесс образования слова, предложения, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов или тактов и т.п., наконец, текстов, т.е. всех возможных языковых единиц начиная с фонемы и кончая текстом. Следовательно, деривато-

логия - наука о процессах образования языковых единиц. Словообразование же является лишь частным случаем, одним из разделов дериватологии.

В современной лингвистике дериватология только начинает формироваться. В ней еще многое неясно; еще не создана система терминологии, не разработаны достаточно надежные методы исследования, не определен даже весь круг проблем, подлежащих разрешению. Дериватология возникла не на пустом месте. Формирование современной дериватологии представляет собой известное подведение итогов, обобщение результатов развития языкознания. Обратимся в связи с этим к его истории.

Уже в древнем мире находим отдельные идеи, созвучные положениям современной дериватологии. Так, древнеиндийский лингвист Панини составил грамматику, в которой рассказывалось о том, как образуются корни слов санскрита, какие происходят чередования звуков при образовании слов. Это была по существу первая в мире деривационная грамматика. В античное время, отчасти самостоятельно, отчасти опираясь на персидскую и арабскую традицию, ученые сделали немало интересных предположений о том, как появились отдельные слова и их грамматические формы. Не случайно в древнегреческой филологии оформилась "деривационная" лингвистическая терминология. Сравните русские кальки: падеж (от именительного падежа как бы отпадали косвенные), склонение (падежи отклонялись от первоначального, исходного) и т.п.

Однако лишь в ХУП в. возникла целостная концепция взглядов на язык как на некоторый механизм образования, производства единиц общения - в первую очередь слова и предложения. Это была так называемая универсальная (философская, рационально-логическая) грамматика. Ее авторы рассказывали о том, как человек, выражая свою мысль, строит предложения, объединяет отдельные простейшие "мысли" в сложное языковое единство-предложение. Так, предложение "Невидимый бог создал видимый мир" соединяет в себе три мысли-предложения: Бог невидимый + Бог создал мир + Мир видимый.

Идея соединения элементарных единиц в сложные, лежащая в основе современной дериватологии, как видим, исторически восходит к универсальной грамматике ХУП-ХУШ вв. Те же корни имеет еще одна фундаментальная идея дериватологии - идея к о м п р е с с и и, сжатия или, как стали выражаться в XIX в. лингвисты-психологи, сгущение

ния мысли. Так, Ломоносов, вслед за универсальной грамматикой, отмечал, что многие части речи служат для "сокращения", т.е. сокращенного выражения нашей мысли: п р и ч а с т и е есть прилагательное + глагол; н а р е ч и е - это целое предложение в предложении (Мальчик читает + Чтение мальчика хорошее = Мальчик читает хорошо); м е ж д о м е т и е: "Представляет движение духа человеческого кратко" (пример: Селепротий, увидев нечаянно Тиция, молвил: ба! вместо сего: Я удивляюсь, что тебя здесь вижу.- Российская грамматика, §42); м е с т о и м е н и е - часть речи, которая употребляется только с целью с о к р а щ е н и я текста. Таким образом, универсальную грамматику ХУП-ХУШ вв. следует считать исторической основой современной дериватологии.

В русском языкознании идеи этой грамматики успешно развивала так называемая л о г и ч е с к а я г р а м м а т и к а, основателем которой является Н.И.Греч. Его "Практическая грамматика русского языка" оказала огромное влияние на развитие не только научной грамматики XIX-XX вв., которое до сих пор обнаруживается в школьных учебниках по русскому языку. Причастные и деепричастные обороты, приложения, вводные слова логическая грамматика трактовала как предложения "сокращенные" придаточные. Хотя в действительности эти обороты ни исторически, ни деривационно не сокращались в придаточные в буквальном смысле, но они "возводятся" к предложению, т.е. замещают его:

Подъезжая к деревне, мы услышали лай собак. = Когда подъезжали...

Н.И.Греч и его последователи, в том числе Буслаев, говорили о многих других деривационных процессах: слиянии (звери и птицы живут без труда), заменах (я живу в городе, где = в котором мне очень скучно), опущениях (говорят, что скоро будет мир = люди говорят).

Ф.И.Буслаев впервые предпринял попытку рассматривать такого рода процессы с исторической точки зрения, т.е. трактовать их как "исторические", происходящие в истории языка. Сторонники сравнительно-исторического метода в языкознании ("историческая грамматика") многое сделали в этом направлении, хотя и отрицали научную значимость как универсальной, так и логической грамматики.

Впрочем, отрицали - не значит отвергали все, что сделано их предшественниками. Напротив, многие плодотворные идеи логической школы нашли не только поддержку, но и развитие в трудах представителей сравнительно-исторического языкознания. Это характерно прежде

всего для раннего периода его развития, когда психологическая концепция "сочеталась" с убеждением, что язык - явление глубоко социальное. Этот постулат был провозглашен основой языкознания в трудах гениального В. фон Гумбольдта - немецкого энциклопедиста XIX в.

С большой страстью В. Гумбольдт утверждал мысль о динамической природе языка. Он полагал, что язык принадлежит целому народу и вместе с тем служит орудием мышления каждого человека, а следовательно, является не результатом деятельности, а самой деятельностью (не *ergon*, а *energeia*), с одной стороны, глубоко внутренней, психологической, с другой - социальной, ибо человек как носитель языка - существо общественное по природе. Это теоретическое положение как нельзя лучше согласовывалось с идеей историзма языка, идеей его непрерывного изменения во времени.

Из лингвистической концепции Гумбольдта исходили Г. Штейнталь и А. А. Потебня. В книге последнего "Мысль и язык" сделана попытка конкретизировать и развить идеи В. фон Гумбольдта. А. А. Потебня показал, что историческое становление языка теснейшим образом связано с мыслительными процессами, что формы языка (слова или предложения) в конечном счете определяются потребностями выражения мысли и что на этом пути нужно искать законы, управляющие как языком, так и мышлением. По его мнению, одной из важнейших закономерностей языка является метафоризация, которой в психологии соответствует ассоциация (объединение) или апперцепция (приспособление) представлений.

А. А. Потебня подверг резкой критике логическую грамматику. Она не устраивала его потому, что в логике рассматривается застывшая готовая форма мысли, между тем этому противоречит динамическая природа языка. Методологическую же основу языка следует искать в психологии, которая интересуется не результатом человеческого мышления, а самим процессом мысли, тем, как она "сказывается" ("Из записок по русской грамматике", т. I-П. М., 1958 с. 70).

Вопреки своей методологии представители логической грамматики исследовали языковые процессы. Они говорили о сокращениях, смещениях, опущениях и т. п. Не все эти понятия Потебня принимал. Он, например, возражал против того, чтобы причастные, деепричастные обороты рассматривались как сокращенные придаточные предложения, но вместе с тем подчеркивал огромное значение для языка процесса опущения - сжатия или сгущения мысли. А. Потебня говорил о многих

других процессуальных закономерностях, в частности, процессе "разложения" сложного предложения на более простые, "рассогласование" предложений и др.

К концу XIX в. интерес к языковым процессам постепенно затухает. Они начинают привлекать внимание лишь в конце 40-х гг. XX в., что связано со многими внелингвистическими и собственно лингвистическими факторами. К внелингвистическим факторам относится влияние сопредельных наук, в первую очередь психологии (в 1946 и 1949 гг. состоялись первые психолингвистические конгрессы), а также чрезвычайно авторитетной в то время физики, где весьма успешно исследовались процессы движения атомных частиц. Не следует также забывать, что в начале 50-х гг. возникла кибернетика - наука о процессах управления, невозможная без языка в широком смысле слова. Внутрilingвистические факторы связаны с тем, что к этому времени уже были достаточно изучены элементарные единицы языка - фонема, морфема, слово в его простейшей форме, и лингвисты обратились к более сложным единицам, в первую очередь к производному, сложному слову.

Однако существовал более общий лингвистический фактор: господствовавшее в то время в мировой лингвистике направление - структурализм - в чем-то уже исчерпало себя. Его основной постулат - язык вне речевой манифестации, т.е. вне употребления, некоторая заданная абстрактная система - хорошо "работал" на ограниченном материале простейших единиц, но давал "сбой" на более сложном. Не случайно именно в 50-е гг. возникает своего рода психолингвистический бунт против укоренившихся взглядов на язык как на явление чисто социальное и формальное. К концу 50-х гг. и в самой лингвистике формируется новое направление, получившее за короткий срок всеобщее признание, - так называемая генеративная грамматика. Она привлекла к себе внимание многих исследователей не хорошо сделанной рекламой, как полагает О.С.Ахманова, или другими превходящими свойствами, а новым для того времени поворотом в лингвистике, поворотом в сторону динамики языка. Главную историческую заслугу генеративной грамматики следует видеть в акцентировании и более широком понимании производности лингвистических единиц.

Понятие производности стало центральным во всех направлениях и школах динамической лингвистики на протяжении всего последующего двадцатилетия.

Как часто бывает, то или иное понятие, имеющее общелингвисти-

ческое значение, сначала разрабатывается на некотором ограниченном материале, в ограниченной области языка. Первоначально понятие производности связывалось в лингвистике XX в. исключительно со сл о - в о м. Говорили о производных и, соответственно, непроизводных словах, о производстве слов - словопроизводстве или словообразовании. Сначала словообразование считалось разделом морфологии - грамматического учения о слове. Но по мере исследования словообразования обнаруживается, что оно занимает какое-то особое место в языке и не укладывается на уже установленные в языке уровни: это не морфология, потому что речь идет о лексемах, но и не лексикология, поскольку речь идет не о словах как таковых, а об отношениях между словами, выраженных формально. После ряда дискуссий в 50-е гг. большинство ученых пришло к выводу, что словообразование составляет отдельный, особый уровень языка. Но что это за "уровень", какое место он занимает в системе языка, оставалось неясным.

Генеративная грамматика, в лице американских лингвистов Хэррис и Холмский, понятие производности применила к синтаксису. Был введен термин "трансформация", т.е. преобразование, с помощью которого и устанавливалась производность синтаксических единиц. Причем учение о словообразовании и учение о синтаксической трансформации развивались параллельно, независимо друг от друга. Затем в той и другой области языка - слова и предложения - выделяется семантический аспект. В словообразовании анализировалась семантическая деривация, в синтаксисе - семантическое порождение. И это был еще один шаг на пути создания общей теории словообразования, синтаксиса и семантики в динамическом аспекте. Понятие производности не было распространено только на область фонетики, хотя, думается, есть основания обнаружить отношения производности и между фонетическими единицами.

Итак, возникновение дериватологии как общего учения о производности лингвистических единиц было подготовлено исторически, всем ходом развития лингвистики.

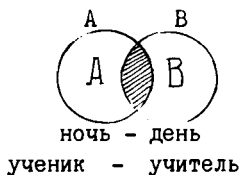
ПРЕДМЕТ ДЕРИВАТОЛОГИИ

Дериватология, как уже отмечалось, имеет дело с д е р и в а - ц и е й - предметом своего исследования. Термином "деривация" обозначают два разных, хотя и связанных между собой явления. В одних работах под деривацией понимают о т н о ш е н и е п р о и з в о д н о с т и между какими-либо единицами языка, в других - с а м п р о ц е с с о б р а з о в а н и я производной единицы. В основе такого разграничения лежит, на наш взгляд, разграничение более широких понятий - статике и динамике языка.

Язык в непосредственном наблюдении есть непрерывный процесс, постоянная д е я т е л ь н о с т ь общения, выражения и оформления мысли в языковых (материальных) формах. Но всякая деятельность имеет определенный результат, некоторый продукт. Поэтому язык как деятельность предполагает язык как продукт этой деятельности. Это две стороны одного и того же явления - языка: динамика и статика. Они составляют единство, но единство диалектическое, противоречивое. Статика имеет дело с п е р е ч н е м единиц (безразлично, в какой форме они будут представлены, - форме простой совокупности или в форме строгой системы) с некоторым заданным, готовым материалом для исследования и пользования; она констатирует факты (языковые данные) и фиксирует некоторые отношения между ними. Напротив, динамика имеет дело с языковыми процессами, с правилами образования единиц, с функционированием языка как средства общения. Ясно, что статика является моментом динамики. Образно говоря, статика - кадр в киноленте, а динамика - кинолента. Правда, всякое сравнение хромает: определенная последовательность кинокадров и есть кинолента, между тем последовательность "статик" - статических отношений языка - не есть его динамика. Скорее наоборот, статика как бы извлекается из динамики, статика всегда результат нашего исследования, абстрагирования от действительного положения дел. Как говорят философы, в онтологии, т.е. в действительности, язык всегда динамичен, а в гносеологии, т.е. в т е о р и и познания, он может быть представлен статически. Разумеется, это не означает, что статика вообще не имеет места в действительности. Просто она существует в онтологии языка как некоторый компонент динамики, она как бы растворена в динамике, тогда как в гносеологии статика предстает непосредственно - как своего рода снятая (в философском смысле) динамика. Поэтому противопоставление статике и динамики возможно только в процессе

познания как чисто теоретический постулат. Таким образом, в языке как диалектическом единстве ведущей стороной является динамика, а не статика. Вот почему термин деривация мы будем употреблять в процессуальном смысле: деривация есть образование производной единицы.

Что же касается другого смысла этого термина – отношения производности, то он относится уже не к динамике, а к статике языка. Действительно, любое отношение является отношением между заданными единицами. Отношения производности мы устанавливаем уже после того, как произошел процесс образования единицы, мы как бы сравниваем сосуществующие две единицы и обнаруживаем в них некоторое различие, которое позволяет нам квалифицировать одну из них как производную от другой, т.е. предполагать, что одна была произведена (образована) от другой. Например: в словаре русского языка мы фиксируем два слова: чай и чайник. Сопоставление этих слов показывает, что одно из них более сложное и как бы "включает" в себя другое: чайник состоит из чай + ник. То же наблюдается в области синтаксиса: Снег начал таять – Снег начал бурно таять. Здесь слово бурно выполняет в сущности ту же функцию, что и ник в чайник. Такое отношение включения называется отношением производности. Казалось бы, это отношение мы и должны рассматривать как явление динамическое, тем более, что между единицами языка могут быть установлены и другие отношения, непосредственно не связанные с деривацией, например, отношения противопоставления (оппозиции), которые подверглись в классической структурной лингвистике всестороннему анализу, или отношения воплощения, когда некоторая абстрактная постулируемая единица (языковая) ставится в соответствие конкретной единице (речевой); фонема – звуку речи и т.п. Различие между отношением оппозиции и отношением включения (производности) можно показать с помощью кругов Эйлера:

Это различие, разумеется, существенно. Можно даже говорить о двух разных лингвистических науках: предмет изучения одной - оппозиции, предмет другой - отношения включения (мы можем назвать последнюю теорией деривационных отношений). Однако ни та, ни другая науки не выходят за пределы статического рассмотрения языка. Поэтому эти науки, скорее, разновидности общей науки - статической лингвистики. Не случайно отношение включения можно свести к отношению оппозиции. Действительно, отношение включения - частный случай оппозиции, когда общий компонент двух единиц равен одному из компонентов. Не случайно также, что те и другие отношения можно описывать в терминах одной и той же математической дисциплины - теории множеств.

Таким образом, если под дериватологией понимать учение о способах и правилах образования единиц языка, т.е. дисциплину динамическую, то отношения производности нельзя считать предметом исследования в дериватологии. Это, однако, не означает, что дериватология не интересуется такими отношениями. Напротив, дериватология как наука должна опираться на них, но как на исходный материал, сырье, из которого она "извлекает" свой предмет. И это понятно: чтобы представлять, как протекает процесс, необходимо знать его начало и конец - результат. А между тем отношения производности суть отношения между единицами, которые можно толковать как начальную и конечную точку деривации - производства. Не всегда мы наблюдаем такое соответствие, но всегда мы можем выдвинуть на основе установленного отношения производности гипотезу образования данной единицы. Например, если мы имеем отношение дом - домик или считать - счетчик, то имеем право предполагать, что процесс деривации шел от менее сложного слова к более сложному: от дом к домик, от считать к счетчик, а не наоборот, хотя это вовсе не значит, что он протекал прямолинейно и просто: дом + ик — домик и т.п. Отношения производности, следовательно, должны рассматриваться как исходный момент собственно деривационного исследования.

Деривация как процесс образования языковых единиц ненаблюдаема. Она протекает в сознании говорящих, и о том, как протекает деривация, можно судить лишь по некоторым ее результатам, по косвенным данным, по каким-то внешним следам, оставленным в тексте, в структуре предложения или слова. В этом отношении дериватология напоминает физику, исследующую также ненаблюдаемые микрочастицы ато-

ма, или химию, анализирующую химическую реакцию на основе состава исходных веществ и конечных продуктов.

Принципиальная ненаблюдательность предмета исследования - одна из отличительных черт дериватологии. Впрочем, эта черта свойственна и структурной лингвистике, которая изучала не звуки речи, а фонемы, т.е. отношения между звуками, не слова как таковые в тексте, а отношения между ними - лексемы и т.п. Отношения же - тоже ненаблюдаемый объект, правда, другого рода.

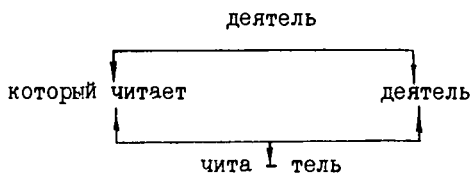
Может сложиться впечатление, что между теорией деривационных отношений и дериватологией нет принципиальных различий, что они исследуют, по существу, одно и то же, только в разных аспектах, отсюда и разные термины, мы как будто по-разному изображаем, представляем одно и то же явление: считать - счетчик, но считать - счетчик. В действительности это не так. Теория деривационных отношений и дериватология имеют существенно разные исходные позиции - статику и динамику языка, что не может не отразиться на всей системе понятий и методических приемах той и другой дисциплины. Дериватология - наука функциональная, а теория деривационных отношений (ТДО) - структурная. Это значит, что /1/ дериватология за основу берет семантику языка, а ТДО - его форму, /2/ дериватология исследует производство единиц не отвлеченно от тех функций, которые они выполняют в коммуникации, как это делает ТДО, а в тесной связи с ними, /3/ дериватология изучает образование единиц в самом тексте, рассматривая их как компоненты или элементы текста, тогда как ТДО принципиально абстрагируется от текста, устанавливая отношения между абстрактными, внетекстными единицами. Покажем эти особенности дериватологии на отдельных примерах.

В области традиционного словообразования ТДО позволяет выделить /1/ словообразовательную пару: производящее и производное слова (читать - читатель), /2/ ф о р м а н т, т.е. тот элемент производного слова, которым оно отличается от производящего и с помощью которого оно от него "образовано" (-тель), и установить /3/ семантическое различие между словообразовательной парой (в данном примере читатель - производитель действия, выраженного основой глагола читать).

Иначе этот вопрос рассматривается в дериватологии. Образование слова происходит в несколько этапов. На первом этапе наблюдается некоторое развертывание обозначения объекта, благодаря чему

наиболее общее наименование (родовое понятие) уточняется, ограничивается видовым понятием. Например, понятие деятеля вообще может быть ограничено указанием на то, что он читает. В результате в сознании говорящего возникает семантическая конструкция типа: Дея-тель читает = тот, кто читает . На втором этапе происходит свер-тывание этой конструкции, т.е. процесс, в результате которого по-лучается производное слово. В данном случае деятель = тот кто за-мещается аффиксом -тель, слово читает - его основой чита-, что и дает читатель.

Л.В.Сахарный демонстрирует этот процесс следующей схемой:

Принципиально те же различия между ТДО и дериватологией наблюдаются и в области синтаксиса. Рассмотрим сложное словосочетание новый дом отца. С точки зрения ТДО мы можем выделить в нем производящее словосочетание дом отца и исследовать отношения синтаксической производности. Очевидно, производное (сложное) словосочетание новый дом отца "образовано" с помощью слова новый, которое выполняет функцию синтаксического форманта. Поэтому можно говорить о семантических отношениях между производящим и производным словосочетанием (в данном примере об отношениях определительных). Так называемые простые распространенные предложения можно считать производными от нераспространенных, сложные - производными от простых и т.п. Анализировать отношения производности между предложениями можно точно таким же образом, как и отношение между словосочетаниями.

Дериватология на основе тех же фактов прослеживает сам процесс образования производных синтаксических единиц в речевой деятельности. Вряд ли словосочетание новый дом отца было образовано путем простого прибавления к дом отца слова новый. Мы должны предположить, что в сознании говорящего производится предварительный анализ объекта, названного дом отца, в результате которого будет

выделено (открыто) некое качество, которое можно выразить словом новый. Иначе говоря, оформлению сложного словосочетания предшествует (хотя и не всегда это выражается внешне в тексте) этап образования предложения-утверждения: дом отца является новым. Причем совершенно очевидно, что любое словосочетание говорящие используют в составе предложения. Следовательно, и дом отца (непроизводное словосочетание), и новый дом отца (производное) должны быть представлены как компоненты предложений, например, в виде гипотетического текста: "Мы поселились в доме отца. Дом отца был новый. Новый дом отца вызывал зависть соседей".

Таким образом, процессы образования языковых единиц рассматриваются в пределах дериватологии как процессы речемыслительные, психологические по природе. Процессы эти сложные и многосторонние, потому их можно анализировать с различных точек зрения: физиологической (в каких физиологических формах они выражаются), психологической (смену каких психологических состояний они вызывают), психолингвистической и лингвистической.

В чем различие между психолингвистическим и лингвистическим подходами к изучению деривационных процессов? Психолингвистика исследует образование языковых единиц как результат коммуникативной деятельности говорящего - слушающего, поскольку предметом ее является коммуникативная деятельность говорящих. Главной целью психолингвистики при анализе образования лингвистических единиц является определение коммуникативных, главным образом психологических, условий порождения высказывания или слов. Так, А.А.Леонтьев, строя психолингвистическую модель порождения предложения, говорит о замысле, т.е. некоторых стимулах высказывания, о том, как он реализуется, с помощью каких психолингвистических единиц (составных частей) строится высказывание, какие обязательства берет на себя говорящий, чтобы достичь поставленной цели, какие он должен соблюдать правила "игры", чтобы оформленное (закодированное) высказывание было правильно понято (раскодировано) слушающим.

Собственно лингвистическое понимание процесса образования языковых единиц предполагает исследование этого процесса изнутри, в пределах единиц языка как таковых. Главная цель лингвистики заключается в выявлении правил образования единицы в чисто лингвистических терминах. Например, Н.Хомский задает нерасчлененный символ S - символ предложения вообще, а затем спрашивает, как можно

переработать символ в конкретное предложение. Для этого, по его мнению, нужно S заменить более конкретными символами: $NP+VP$, т.е. группой существительного (подлежащего) и группой глагола (сказуемого). Затем применяются другие аналогичные правила:

$NP \rightarrow dlt NP$, $NP \rightarrow V+NP$, $dlt NP \rightarrow dlt AN$ и т.п.

Очевидно, что при этом мы не выходим за пределы правил грамматики и словаря. NP и VP - два состава предложения, его наиболее типичная структура. Конечно, символ S можно толковать как замысел говорящего, но подобное толкование уже будет психолингвистическим. S обозначает предложение вообще, начальную точку порождающего процесса - синтаксической деривации, как ее представляет Хомский.

Таким образом, лингвисты сосредоточивают внимание на внутренних (собственно лингвистических) правилах деривации, психолингвисты - на внешних условиях, в которых она фактически протекает и вне которых она практически не возможна. Такова основная линия разграничения лингвистики и психолингвистики в области деривации.

Приведенному разграничению лингвистики и психолингвистики, очевидно, не следует придавать оценочный смысл: дескать, лингвистика более важна, чем психолингвистика, или наоборот. Речь идет о предметах исследования, которые по существу лишь дополняют друг друга, более того, представляют в действительности неразрывное единство. Разные стороны этого единства - порождения языковых единиц - и призваны изучать разные научные дисциплины, каждая по-своему, собственными методами. Кроме того, граница между этими дисциплинами не абсолютна и даже не достаточно четка. Психолингвистика не может не опираться на лингвистические правила деривации, а лингвистика - не учитывать психологические условия порождения. Одно предполагает другое, и поэтому на практике психолингвисту приходится вторгаться в область лингвистики, а лингвисту - в область психолингвистики. Подобное "вторжение" всегда было возможным, а в настоящее время становится просто необходимым. Дело в том, что современная лингвистика (имеется в виду и психолингвистика) выходит за пределы традиционного исследования таких единиц, как фонема, морфема, слово, предложение. Она обращается к тексту - объекту, внутренние законы построения которого тесно взаимосвязаны с правилами речевых, коммуникативных актов. Разобраться в этом сложнейшем объекте без учета как внешних, так и внутренних факто-

Лекция 3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Как любая наука, дериватология нуждается в обосновании исходных позиций – в своей методологии. Ее методология опирается на диалектико-материалистическую философию. Рассмотрим несколько ее положений.

Наиболее общим является положение, согласно которому формой существования материи выступает движение. Следовательно, вне движения нет материи. Движение вечно, покой относителен, т.е. покой – частный случай движения. Например, если точка а движется очень медленно относительно точки в, то мы можем говорить, что а не движется, т.е. находится в покое; если а движется так же, как в, то а находится в покое относительно в. Отсюда вывод: статика языка относительна, динамика – абсолютна. Поэтому язык мы должны рассматривать в первую очередь как явление динамическое.

Другим важным понятием марксистской философии является понятие развития. Развитие есть качественное изменение объекта во времени по той или иной причине. Следовательно, развитие объекта есть его преобразование, в результате которого объект, оставаясь самим собой, в то же время становится другим, приобретая новое качество. Это можно выразить формулой

$$A \rightarrow A',$$

где $A' = A + \alpha$, α – символ нового качества.

Время играет роль постоянного фактора, ибо развитие вне времени не мыслимо. Причем этот фактор сам по себе нейтрален, т.е. не может непосредственно воздействовать на объект. Преобразуется же объект под влиянием разного рода сил – причин:

$$A \xrightarrow{\text{causa}} A.$$

Причины изменений бывают разные: внешние и внутренние. Внешняя причина – воздействие другого предмета, силы, процесса. Однако в действительности первостепенную роль играют в развитии внутренние причины – противоречия, свойственные данному объекту. Мир в целом не может развиваться иначе, как путем разрешения внутренних противоречий. Думается, что и язык как общественное явление не составляет исключения.

Одной из важных задач дериватологии является исследование внутренних причин деривационных процессов. Известно, что сложные объекты типа языка развиваются под влиянием множества причин, и поэтому трудно предсказать конкретный результат развития. Следовательно, развитие сложных объектов, состоящих из ряда менее сложных, которые в свою очередь состоят из более элементарных и т.п., носит статистико-вероятностный характер, и это полностью относится и к языку. Однако среди множества причин развития объекта выделяются наиболее важные, определяющие общее направление развития объекта. Поэтому развитие сложных объектов одновременно подчиняется детерминистским законам, подобным классическим законам физики.

Понятие развития может быть конкретизировано в разных отношениях. Производство материальных благ в обществе есть процесс преобразования одного объекта (точнее - множества объектов) в другой, качественно новый (соответственно, в новое множество объектов):

A → B (кожа - в сапоги, зерно - в муку и т.п.). В языке мы наблюдаем нечто подобное: мы "производим" тексты из лингвистических единиц, поэтому можем использовать термин производство по отношению к языку, а следовательно, и термин воспроизводство, ибо любое производство предполагает воспроизводство, т.е. воссоздание того, что уже имело место на предыдущем этапе развития. Это значит, что B "включает" A в том или ином виде, хотя и не сводится к нему, как говорят философы, включает в снятом виде. Так, в любом тексте, который мы создаем, "воспроизводятся" уже созданные тексты.

Все рассмотренные понятия - движения, развития, производства - служат методологической основой динамической лингвистики и, таким образом, дериватологии.

Однако любая лингвистика независимо от понимания объекта исследования является наукой семиотической. Это значит, что она имеет дело не с действительностью как таковой, а с ее общественным замещением, ее отображением в сознании человека в символической форме.

Процессы такого отображения являются по своей природе логико-психологическими. Отобразить в сознании некоторый объект значит поставить ему в соответствие некоторый знак. Но объект не существует сам по себе, а лишь как часть ситуации. Значит, отображая объект, мы должны вычленив его из ситуации, т.е. произвести анализ расчленения последней. Вместе с тем выделяемый объект мы охарактеризуем с

рядом других объектов, выделенных в сходных случаях, т.е. включаем его в тот или иной класс объектов. И выделение, и отождествление объектов осуществляется с помощью знаковой системы. Мы делаем выбор подходящего знака или конструкции новый, чтобы создать текст, максимально соответствующий ситуации с выделенным в ней объектом. Ставя знак в соответствие объекту, человек производит сложнейшие логические и психологические операции. Так как каждый объект неповторим и индивидуален и вместе с тем принадлежит к множеству классов, то в большинстве случаев, чтобы удовлетворить потребности в общении и выразить мысль в тексте, нам приходится создавать все новые и новые знаки. Фактически коммуниканты почти всегда создают знаки или приспособливают к данному случаю готовые, т.е. в сущности преобразуют их в новые знаки. Отсюда очевидна роль деривации в коммуникативном семиотическом процессе.

Из рассмотренных общетеоретических (философских) положений вытекают следствия, которые могут служить постулатами дериватологии:

/1/ деривация есть особого рода развитие - переход одних единиц в другие ;

/2/ деривация протекает в ходе производства (воспроизводства) текста ; текстообразование, опирающееся на деривационный процесс, аналогично производству сложного объекта ;

/3/ деривационный процесс принадлежит онтологии, а не гносеологии языка, потому он развивается по законам двух типов - детерминистским и статистико-вероятностным.

Теперь обратимся к методике дериватологии. Задача всякой науки - адекватно описать объект исследования, т.е. создать некоторую семиотическую систему, отражающую существенные свойства объекта. Нельзя отождествлять описание объекта и объект описания. В научном описании объект всегда представлен неполно. Но так как в научном описании обычно отражаются существенные свойства объекта, то нередко не разграничивают это описание (гносеологию объекта) и сам объект (его онтологию), что имеет ряд отрицательных последствий. В лингвистике такое разграничение особенно необходимо, поскольку она описывает тексты, т.е. само описание действительности. В связи с этим вводится понятие м е т а я з ы к а , т.е. языка, с помощью которого описывается другой язык. Метаязык - язык научной терминологии, т.е. включающий термины и правила их использования. Он тесно связан с методикой исследования.

Дериватология, как в конечном счете и вся лингвистика, имеет дело с текстом. Именно текст – основной материал исследования. Однако текст в дериватологии рассматривается в динамическом аспекте, т.е. в процессе его порождения. С этим связаны особенности деривационной методики. Фактически имея дело с зафиксированным текстом, мы должны обнаружить в нем динамические черты – "следы" порождения, т.е. такие элементы, на основании которых можно воссоздать (реконструировать) процесс деривации. Иначе, на основе предварительного анализа текста мы строим гипотезу (или ряд гипотез) – модель деривационного процесса.

Таким образом, можно наметить три основных этапа деривационной методики: 1) предварительный анализ заданного текста, 2) построение деривационной модели и 3) проверка ее на адекватность.

На первом этапе исследования текст рассматривается в статическом аспекте, как заданная структура, хотя и под динамическим углом зрения. Основная задача заключается в том, чтобы найти в тексте сложные единицы, которые, по предположению, могут быть производными. Такие единицы и будут составлять основной материал, подлежащий анализу. Кроме того, необходимо отыскать и такие единицы, которые можно считать производящими. Сложность в том, что производящие единицы отнюдь не всегда представлены в тексте, а если и представлены, то нередко в преобразованном виде. (Ср. неологизм: Мы посетили восьмое студенческое общежитие. В восьмерке проводятся интересные встречи с учителями школ). Наконец, целесообразно установить форманты производных единиц, т.е. то, чем они отличаются от производящих.

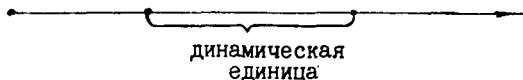
Таким образом, исследование на этом этапе носит индуктивный характер: мы производим наблюдение и фиксируем в тексте то, что рассматриваем как материал для анализа. Естественно, здесь мы используем традиционные термины: слово, морфема, предложение и т.п. в статическом смысле.

Исследование на втором этапе принципиально отличается от исследования на первом. Здесь мы имеем дело уже с динамикой языка, не с текстом как таковым, а с процессом его образования.

Общий путь познания на данном этапе не индуктивный, а в основном дедуктивный, точнее – гипотетико-дедуктивный, ибо сначала мы вынуждены выдвинуть гипотезу о том, как протекает деривационный

процесс, а затем, опираясь на собранный на первом этапе материал, должны создать модель процесса, отражающую определенную деривационную закономерность. Отсюда необходимость использования терминов динамической лингвистики. Введем основные из них, относящиеся к деривации.

Динамическая единица - процессуальная единица. В отличие от статических единиц она характеризуется не столько объемом, сколько временным параметром и соответствует некоторому "отрезку" порождающего процесса, заключенному между *начальной* и соответствующей *конечной* статической единицей. Графически порождающий процесс можно представить в виде вектора, разделенного точками, причем каждая точка символизирует некоторую статическую единицу (слово, предложение или любую другую единицу):

Отрезок вектора между двумя точками и есть динамическая единица.

Разграничение статических и динамических единиц было предложено применительно к словообразованию. Динамическую словообразовательную единицу П.А.Соболева назвала *деривационным шагом*. Мы распространяем это понятие не только на синтаксис, но и на единицу любого другого уровня языка.

Деривационный шаг - сложная единица. Она включает в себя операции. *Операции* представляют собой простейшие, далее неразложимые динамические единицы. Примерами операций могут служить разного рода *замещения*, которые мы производим, образуя, например, сложные предложения из простых, или *инверсия*, *элиминация* компонентов начальных единиц и т.п.

В результате деривационного шага образуется новая единица. Но в процессе образования наблюдается преобразование - *трансформация* начальных единиц, изменение формы без изменения содержания. Например, трансформация предложения в словосочетание: брат приехал — приезд брата. Трансформация, таким образом, есть промежуточная динамическая единица, которая может иметь, а может и не иметь место в деривационном процессе.

О п е р а т о р о м именуется то, что вводится в деривационный процесс извне и служит аналогом причины самого процесса. Оператор как бы способствует образованию новой статической единицы и маркирует ее, т.е. выделяет из других, является показателем ее производности. То, что в словообразовании называют формантом, является с точки зрения динамики оператором. Операторами могут быть слова, союзы, предлоги, грамматические формы, контекст.

Итак, деривационный шаг, трансформация, операция и оператор — основные термины, с помощью которых может быть описана деривация, осуществлено ее моделирование на втором этапе исследования. Более частные термины будут введены по ходу изложения конкретных проблем.

На третьем этапе деривационной методики могут быть использованы различные типы доказательства достоверности построения моделей:

1) л о г и ч е с к и й: модель не может содержать в себе логические противоречия;

2) ф а к т и ч е с к и й: модель должна соответствовать фактам, и чем больше фактов соответствует ей, тем лучше модель. Модель сама по себе абстрактна. Проверка ее означает подстановку вместо абстрактных символов конкретных, например, вместо символов класса слов можно подставить конкретную лексему или предложение. Если такую подстановку осуществить возможно, то модель выдерживает "испытание" фактами;

3) э к с п е р и м е н т а л ь н ы й: предполагает проведение психолингвистических или иных экспериментов с целью проверки соответствия модели языковому сознанию носителей языка. Если результаты статистически достоверны, то модель адекватна действительности.

ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ДЕРИВАЦИИ

Дериватология как наука ориентирована на текст. Любые единицы языка возникают в процессе текстообразования. Хотя текстообразование и не сводится к деривации, она, очевидно, составляет его важнейшую часть. Текстообразование в свою очередь является важнейшей частью речевой деятельности, ибо ближайшая цель ее – образовать текст.

Таким образом, речевая деятельность включает в себя текстообразование, а текстообразование – деривацию. Текстообразование не может обойтись без деривации, так как любой текст, даже самый шаблонный, содержит какие-то новые единицы – слова, словосочетания или предложения, "изобретенные" говорящим на данный случай. А речевая деятельность лишается всякого смысла, если она не завершается созданием текста. Следовательно, чтобы описать деривацию, необходимо рассмотреть текстообразование.

В данной лекции мы попытаемся проанализировать в общем плане некоторые основные принципы текстообразования и на этом фоне охарактеризовать самые общие законы деривации.

Что такое текст? Это непосредственный продукт речевой деятельности, в котором воплощена мысль говорящего о мире или его фрагменте. Основной чертой, отличающей текст от нетекста, т.е. других продуктов речевой деятельности, является его с и т у а - т и в н о с т ь, т.е. соответствие той или иной внетекстовой ситуации независимо от того, что собой представляет ситуация – физический объект или духовный, наблюдаемый или ненаблюдаемый, несемiotический или семиотический, т.е. язык или другой текст. Текст и есть описание ситуации в широком смысле. Но описать ситуацию значит выразить о ней мысль. Поэтому мы говорим, что в тексте воплощается мысль.

Мысль сама по себе имеет психологическую, идеальную природу. Она – о т р а ж е н и е объективной действительности в нашем сознании. Что понимать под отражением действительности в сознании? Не то, конечно, что мы воспринимаем окружающий мир с помощью тех или иных органов чувств. Воспринимать мир еще не значит мыслить. Пушкинский деревенский старожил тоже воспринимал мир, когда целыми днями "смотрел в окно и мух давил", но вряд ли в его сознании

зарождались мысли (во всяком случае Пушкин не случайно об этом умалчивает). Мыслить - значит анализировать и синтезировать действительность, открывать хотя бы для себя в объекте некоторые качества и свойства.

Исходя из этого будем рассуждать дедуктивно. Пусть дан некоторый объект A и некоторый признак q . Процесс приписывания признака q объекту A и есть мысль. Сами по себе A и q еще не мысли, а лишь формальные элементы мысли. Их соединение - мысль (Aq). А как рассматривать результат этого процесса - Aq ? это тоже мысль, но бывшая мысль, возникшая в прошлом. Принципиально Aq как целостность, единство не отличается от A ! Это тоже объект, которому может быть приписан признак q' . Следовательно, процесс приписывания q объекту Aq тоже мысль: $Aq \cdot q' \rightarrow (Aq)q'$. Индуктивно распространяя приведенные определения, мы получаем процесс мышления, который может быть выражен системой формул:

$$\begin{aligned} A \cdot q &\rightarrow Aq \\ Aq \cdot q' &\rightarrow Aq q' \\ Aq q' &\rightarrow Aq q' q'' \end{aligned}$$

В основе текстообразования и лежит этот процесс мышления. Образовать текст - значит образовать мысль. Вне мысли нет текста (в нашем понимании). Поэтому, например, попугай создает не тексты, а лишь видимость их, на основе которых, впрочем, могут быть созданы тексты (например, тем, кто, воспринимая "текст" попугая, наполняет его содержанием, т.е. осмысляет его и тем самым создает текст в собственном смысле слова). Мысль, заключенная в тексте, составляет его глубинный уровень, содержательную основу текста.

На этом уровне закладывается фундамент будущего текста. Здесь действует один универсальный закон построения текста - и н к о р п о р и р о в а н и е. Согласно этому закону каждая последующая семантическая конструкция (то, что мы именовали мыслью - Aq , а теперь называем иначе, поскольку речь идет о построении текста, о его конструировании) строится на основе предыдущей по принципу инкорпорирования, т.е. включения в общий комплекс. Если, например, уже порождена конструкция Aq , то последующая конструкция включает в себя данную: $Aq \cdot q' \rightarrow Aq q'$.

В инкорпорировании можно выделить две стороны: процесс образования семантической конструкции (предикация) и результат этого

процесса (номинация). Эти глубинные процессы проявляются и на поверхностном уровне. Предикация на поверхностном уровне есть процесс соединения предиката (в широком смысле, не глагола только) с субъектом (тоже в широком смысле). Номинация обычно выражается существительным или субстантивным словосочетанием. Таковы выделенные в следующем тексте компоненты:

Ветер (A) был сильный (q). Сильный ветер (Aq) дул с моря (q'). Дующий с моря сильный ветер (Aqq') гнал тучу (q'')...

Однако из общего определения номинации вытекает, что она может быть выражена как угодно – дело не в форме, а в ее функции. Номинация есть то, чему приписывается (q) – предикат.

}	Сильный ветер	}	+	дул с моря
	Этот ветер			
	Он			
	<u>Ветер был сильный</u>			

Закон инкорпорирования позволяет объяснить два общих свойства текста – связность и цельность. Текст является связным потому, что любая последующая конструкция включает предыдущую. Текст оказывается цельным потому, что каждая предыдущая конструкция с известной долей вероятности определяет последующую. В результате последнее предложение текста с о д е р ж а т е л ь н о, хотя и не прямо, а посредством других, включает в себя первое, а первое предопределяет какую-то часть содержания последнего, как наши далекие предки предопределили наши особенности, пусть малосущественные, такие, как цвет волос, кожи, форма глаз и т.п.

Поверхностный уровень текста вовсе не является зеркальным отражением глубинного. В противном случае мы имели бы идеальный текст, в котором не было бы никаких противоречий между формой и содержанием, а язык и мышление были бы настолько слиты, что казались неразличимы. В действительности тексты весьма далеки от идеала. Многие семантические конструкции не реализуются в тексте, поэтому наблюдаются своего рода семантические лакуны текста. На этом основаны отдельные речевые приемы, рассчитанные на "догадливость" партнеров по общению, например, прием умолчания. То, что на глубинном уровне – предшествующий компонент, может на поверхностном стать последующим компонентом. Подобное явление можно назвать текстовой инверсией. Говорящий как бы возвращается к тому, что уже было в его сознании, в его внутренней речи, но что он по каким-либо причинам не захотел экспли-

цировать сразу. Наконец, на поверхностном уровне глубинные компоненты могут получать различное выражение, приобретать разнообразную форму. Нетрудно понять, например, что номинация может быть выражена не только существительным и словосочетанием, но и предложением или рядом предложений, целым текстом, если последний обозначает объект, которому участники приписывают определенный признак. Объясняется это в первую очередь тем, что на поверхностном уровне действуют особые законы, два из них являются деривационными: контаминация и компрессия.

Контаминация позволяет представить на поверхностном уровне содержание, которое на глубинном уровне формируется благодаря инкорпорированию. Первичной формой семантической конструкции служит предложение, потому что структура предложения в наибольшей степени соответствует структуре семантической конструкции. Следовательно, контаминация определяет процесс формирования в первую очередь предложения.

Контаминация - сложный процесс. Он включает два момента: реализацию семантической конструкции и ее преобразование. Реализация, в основном, касается ремы, а преобразование - темы.

Пусть порождается n -ое предложение (S_n) текста. В терминах актуального членения оно будет иметь следующую структуру:

$$S_n = t_n [S_{n-1}] r_n.$$

Поскольку S_{n-1} - предшествующее предложение, оно уже реализовано, т.е. получило выражение в тексте на предшествующем шаге деривации. Однако теперь это предложение уже выполняет другую функцию - компонента последующего предложения, которому приписывается определенный признак. Иначе говоря, предложение S_{n-1} по функции не предложение, а номинация, имеющая форму субстантивного словосочетания (в частном случае - существительного). Следовательно, чтобы функция и форма предложения S_{n-1} соответствовали друг другу, оно должно претерпеть трансформацию: $S_{n-1} \rightarrow W S_{n-1} (W t_n)$.

А рема оказывается следствием реализации некоторого признака q , приписываемого объекту Q . Реализовать в тексте q значит поставить ему в соответствие элемент языка, именно тот, который является глаголом или содержит в себе глагольную форму - связку, копулу (cop).

Функционально копула представляет собой важнейшую, существенную часть ремы, образно говоря – ее душу. Поэтому этот компонент универсален, в любом языке получает определенное выражение. Очевидно, рема всегда предполагает некоторую тему, пусть нулевую, иначе копула становится излишней, а значит, рема перестает быть сама собой. Поэтому мы имеем основание постулировать на глубинном уровне не изолированную рему, а целое предложение – семантическую конструкцию с пустой тематической позицией.

Таким образом, в общем виде контаминация можно представить как взаимодействие двух глубинных предложений, в результате которых на поверхностном уровне образуется единое по структуре предложение.

Действие другого деривационного закона – компрессии – сводится к устранению информационно излишних компонентов, т.е. уже выраженных в тексте. Особым случаем компрессии можно считать устранение текста в целом, после того как он создан. Необходимость компрессии диктуется характером построения текста – действием инкорпорирования и, соответственно, контаминации. Инкорпорирование не только обеспечивает развертывание текста, но порождает его избыточность (каждое последующее предложение включает в себя предыдущее). Очевидно, чем больше текст, тем более он избыточен. Развертывая текст, мы создаем балласт, от которого нужно по возможности избавляться. Этой цели служит компрессия в самом широком смысле слова.

Контаминация и компрессия – основные процессы порождения текстов. Но это не значит, что реальные тексты образуются только на их основе. Текст строится не только деривационно. Те или иные единицы могут не образовываться, а включаться в текст как готовые. Это либо цитаты (они хранятся в памяти и извлекаются из нее по случаю), либо уже использованные в данном тексте единицы, создавать которые заново не требуется: они просто повторяются. Некоторые единицы образуются не по деривационным правилам, а по имеющемуся образцу – по аналогии.

Итак, деривационные процессы в своей основе действительно являются текстообразующими. Их назначение состоит в образовании текста. Поэтому текст для дериватологии не просто материал, из которого извлекаются деривационные "факты", а своего рода способ объяснения деривационных процессов.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Синтаксическая деривация относится к формальным (эксплицитным) типам деривации. Конечный продукт ее отличается от начальной единицы лишь формально, но не семантически, что может быть выражено формулой: $A(e, \varphi) \rightarrow B(e, g)$, где e – семантика единиц A и B ; φ и g – их грамматическая форма. Например: C самолета сбросили бомбы. – C самолета сброшены бомбы.

Поскольку носителями неграмматической семантики являются лексические компоненты предложения, т.е. основы слов, в структурной лингвистике было принято считать, что при всякого рода преобразованиях предложения должен сохраняться неизменным состав лексических компонентов. Однако, как показал еще в 60-е гг. В.Г.Гак, в трансформацию вовлекаются и лексические морфемы. Речь идет в первую очередь о синонимах-дублетах, о словах-конверсивах, различающихся лишь синтаксической интенцией – направлением связей (например, больше-меньше, купил-продал и т.п. Ср.: Брат больше сестры = Сестра меньше брата; Студент купил книгу у товарища Н. = Товарищ Н. продал студенту книгу), лексемах-супплетивах типа брать – взять. Во всех этих случаях сохраняется неизменной лексическая семантика предложения. Что же изменяется? Грамматическая конструкция предложения, когда заменяются реляционные морфемы типа флексий. Возможна транспозиция лексемы из одного класса (части речи) в другой. Иными оказываются функциональная перспектива предложения, т.е. актуальное членение, а также фокусирование, т.е. выделение того или иного компонента, его акцентирование, например, перемещение из зависимой позиции в независимую внутри темы. Так, если в связном тексте дано предложение Солнце сияет, то в последующем оно может быть преобразовано в Сияющее солнце (возникло над горизонтом) или Сияние солнца (над горизонтом). Наблюдается транспозиция глагола сияет в причастие или существительное и одновременно изменение фокуса: в первом варианте в фокусе по-прежнему солнце, а во втором – сияет (сияние). Естественно, меняется во втором случае и реляционная морфема (им.п. – род.п.).

Таким образом, синтаксическая деривация разделяет свойства формальной деривации, которая отграничена от семантической деривации по линии лексическое значение – грамматическое значение. Но в отличие от лексической (словообразовательной) деривации синтакси-

ческая охватывает не грамматическую форму слова, а грамматическую форму предложения или словосочетания: она приводит к изменению связей между лексемами (актантами и предикатами), т.е. изменению синтаксической структуры предложения (словосочетания). Поскольку лексема (слово) есть компонент предложения, его изменение затрагивает и предложение. Поэтому лексическую деривацию (словообразование) в ряде случаев можно рассматривать как составную часть синтаксической деривации. Однако могут быть изменения слова, замкнутые в нем самом, т.е. не распространенные на связи с другими словами. (Ср.: Шуба висит на вешалке и Шубка висит на вешалке или Шубы (шубки) висят на вешалке и т.п.). Кроме того, мы можем исследовать деривацию слова без учета ее влияния на структуру предложения: Следовательно, в процессе познания синтаксическая деривация противопоставляется словообразовательной. Но в онтологии языка они тесно связаны друг с другом. Формальная деривация в целом и семантическая также предполагают друг друга.

Синтаксическая деривация имеет несколько разновидностей. Сюда относятся 1) контаминация, 2) конверсия и 3) компрессия. Контаминация есть такое слияние двух предложений (семантических конструкций), что одно из заданных предложений оказывается в позиции другого (Плотники строят дом + Дом новый — Плотники строят новый дом). Конверсия представляет собой внутреннее преобразование заданного предложения, его грамматическую перестройку, в результате которой лексические компоненты как бы меняют свои синтаксические места, грамматически уподобляясь друг другу (Плотники строят дом — Дом строится плотниками). Суть компрессии заключается в устранении информационно излишних компонентов предложения, в силу чего уменьшается его объем при сохранении прежней информации (Плотники строят дом — Строят дом).

Данные типы синтаксической деривации могут быть противопоставлены по нескольким признакам. Контаминация противопоставляется конверсии на основании того, что предполагает два исходных предложения, а не одно. Контаминация и конверсия сопровождается грамматическим преобразованием исходных предложений, компрессия может обходиться без них. Вследствие контаминации увеличивается объем предложения, а вследствие компрессии — уменьшается. Конверсия безразлична к этому признаку: предложение не изменяет своего объема.

Таблица различий между типами синтаксической деривации

Признаки	Контаминация	Конверсия	Компрессия
Число исходных предложений больше I	+	-	-
Существенность грамматических преобразований	+	+	-
Увеличение объема результирующего предложения	+	∅	-

Центральное место в синтаксической деривации занимает контаминация. Именно благодаря ей на поверхностном уровне обеспечивается развертывание текста. Два других типа синтаксической деривации выполняют хотя и важные, но более второстепенные функции. Компрессия избавляет текст от информационного балласта. Конверсия обеспечивает формальное различие конструкций: их семантически тождественные компоненты (субъект или объект и т.п.) занимают разные позиции в актуальном членении предложения (позицию темы или позицию ремы).

Контаминация в самом общем виде может быть выражена формулой $S_i \text{ "C" } S_b \rightarrow S_r$, где S (с индексами) - различные предложения, а "C" - операторы контаминации и соответствующие операции. S_i и S_b - исходные для деривационного шага предложения. Их можно рассматривать как заданные текстом или привносимые со стороны (говорящим). S_b - базовое предложение, на основе которого строится новое предложение. Базовое предложение задается говорящим. Оно содержит пустую синтаксическую позицию, предназначенную для заполнения другим исходным предложением. Это своего рода матрица интродуктивного предложения (поэтому в генеративной лингвистике оно и получило название матричного предложения). Его можно представить в виде синтаксической конструкции, все позиции которой заняты определенными лексемами, кроме одной. Например: N пошел(пошли) работать на

завод.

Следовательно, базовое предложение реализовано не полностью. Для полной реализации его необходима помощь другого предложения. Базовое предложение является в процессе текстообразования носителем новой информации. Именно его реализованная часть и становится ремой будущего предложения. Таким образом, Sb - действительно база образуемого предложения в двух смыслах - структурном (его структура - костяк будущего предложения) и содержательном, информационном (информация, заключенная в нем, становится основным содержанием Sr , определяющим его информативную ценность).

Иную роль выполняет другое исходное предложение - Si . Его мы называем интродуктивным потому, что оно вводится в состав базового предложения. Причем на структуру этого исходного предложения не накладывается никаких ограничений: она может быть любой. Например: Инженер имеет сына; Иванов - мастер цеха; Они еще вчера учились в школе. Однако в отличие от базового интродуктивное предложение подвергается в процессе контаминирования существенным структурным изменениям. Оно может заменяться одним словом или даже морфемой, трансформироваться в словосочетание, включать в свой состав операторы, видоизменять интонацию и т.п. Это связано с тем, что интродуктивное предложение с точки зрения текстообразования выступает носителем старой информации, т.е. в сущности неинформативно в составе образуемого предложения. Говорящему важно лишь указать на его содержание, которое, вообще говоря, уже было реализовано в тексте. В образуемом предложении интродуктивное предложение играет роль темы.

Таким образом, исходные предложения каждого шага контаминации противопоставлены друг другу. Если базовое предложение структурно маркировано (отмечено) пустой синтаксической позицией, то интродуктивное свободно от всяких ограничений подобного рода. Если базовое предложение рематично, то интродуктивное - тематично. Если базовое предложение в процессе контаминации не изменяется структурно, то интродуктивное подвергается существенным преобразованиям. Наконец, в процессе текстообразования интродуктивное предложение, очевидно, предшествует базовому.

Предложение, которое получается в результате контаминации исходных, будем называть результирующим. Например, если $Si =$ Инженер имеет сына, а $Sb = N$ пошел работать на завод, то $Sr =$ Сын инженера пошел работать на завод. На первый взгляд, результирующее

предложение семантически представляет собой сумму исходных. Однако это не так. Информация, заключенная в базовом предложении, подвергается определенной трансформации под влиянием информации интродуктивного. Поэтому результирующее имеет качественно иную семантику — результат не столько суммирования, сколько произведения семантики двух исходных предложений.

Результирующее отличается от исходных предложений и по природе. Результирующее предложение синтетично: в нем слиты грамматика и семантика, план содержания и план выражения, обобщенно-языковое и конкретно-речевое. Исходные же предложения односторонни. В сущности это семантические конструкции. Такое утверждение представляется справедливым относительно базового предложения. Действительно, это предложение формируется в нашем сознании. Оно не обязательно должно получать звуковое или письменное выражение. Как семантическая конструкция, оно представляет собой пропозицию, реализующуюся лишь в результирующем предложении. В сущности это речемыслительная категория.

Интродуктивное же предложение задано в тексте, т.е. уже получило материальное выражение. Казалось бы, поэтому мы не можем его расценивать как семантическую конструкцию. Однако хорошо известен тот факт, что любое произнесенное предложение не может быть с абсолютной точностью воспроизведено в речи. Повторяя, говорящий вносит изменения, пусть самые незначительные, в план содержания и в план выражения. Следовательно, в формировании последующего предложения текста принимает участие не предшествующее предложение как таковое, а некоторый его аналог, в той или иной степени отличающийся от своего оригинала. Есть основание утверждать, что аналог предшествующего предложения также представляет собой семантическую конструкцию, подобную базовому предложению. Это и есть интродуктивное предложение. Следовательно, нельзя отождествлять предшествующее предложение текста и интродуктивное предложение. По природе своей это разные вещи. Они лишь соотносятся друг с другом.

Итак, контаминации подвергаются семантические конструкции, которые мы называем и с х о д н ы м и п р е д л о ж е н и я м и (предложениями потому, что они представляют собой утверждения во внутренней речи, параллельные и функционально, и структурно предложениям во внешней речи. Очевидно, такие предложения можно назвать глубинными в отличие от результирующего, которое является поверхностным.

Что касается операторов контаминации, то функционально они неоднородны. Одни из них являются пассивными, другие - активными.

Пассивные операторы как бы заданы вместе с исходными предложениями, предполагаются их структурой и содержанием, поэтому не вносят в результирующее каких-либо дополнительных значений. В большинстве случаев они лишь свидетельствуют о том, что произошла контаминация. По существу это маркеры производности предложения. К таким маркерам относятся, например, местоимения, занимающие пустую позицию базового и тем самым как бы отсылающие к интродуктивному предложению (в результирующем они соответствуют соотносительным словам типа тот, те), некоторые несемантические союзы типа что, и, определенные типы интонации. В других случаях пассивные операторы выполняют согласовательные функции. С их помощью результирующее предложение становится правильным, целостным формально, несмотря на то, что деривационно оно "состоит" из двух разных предложений. К таким операторам, очевидно, относятся все согласовательные (в широком смысле) категории языка, т.е. не только флексии числа, рода, но и предлоги, артикли и другие реляционные морфемы. Без пассивных операторов невозможен ни один шаг контаминации.

Активные операторы в отличие от пассивных выполняют не только структурные функции. Они семантически значимы, т.е. несут дополнительную информацию. Таковы союзы так как (причины), чтобы (цели), но или значимые предлоги для, вследствие чего. Подобные операторы вводятся в процесс контаминации говорящим.

Разграничение пассивных и активных операторов носит функциональный характер. Так, один и тот же союз в одних случаях выступает в качестве пассивного оператора, в других активного. Например, союз и обычно выполняет функцию пассивного оператора, поскольку его задача - сигнализировать о произведенном шаге контаминации. Но когда союз и выражает идею противопоставления или неожиданного результата, он "превращается" в активный оператор, подобный союзу но.

Операторы можно классифицировать и по другим основаниям, например, в зависимости от того, какую роль они выполняют в структурной организации предложения. Операторы могут быть подчинительными (*ht* от *hypotaxis* - подчинение) и сочинительными (*pt* от *parataxis* - сочинение). Естественно, речь идет не только о союзах, но и о любых других средствах, выражающих идею подчинения или сочинения, например, интонации или предлогах.

Операции, с помощью которых осуществляется контаминация, разнообразны, но основной является подстановка. Она заключается в том, что один из компонентов интродуктивного предложения занимает пустую позицию базового (Инженер имеет сына + N пошел работать на завод — Сын инженера пошел работать на завод. Ср.: Инженер, имеющий сына, пошел работать на завод). Однако сущность этой операции глубже. Она отражает глубинный процесс инкорпорирования исходных предложений, в результате которого содержание базового предложения как бы сливается с ситуацией интродуктивного и образуется новая, более сложная ситуация — ситуация результирующего предложения. Подстановка сама по себе лишь далеко не полное выражение на поверхностном уровне этого глубинного процесса. Именно поэтому операция подстановки нередко сопровождается другими операциями, например, конверсией (Инженер имеет сына — Сын инженера), инверсией (Инженер опытный — Опытный инженер), элиминированием некоторых компонентов интродуктивного предложения, прономинализацией и др.

Типы контаминации разнообразны. Исходные предложения могут объединяться параллельно (Везде виднелись люди и шла работа) и перекрестно (Герой произведения говорил о том, что будущее светло и прекрасно). Структура результирующего определяется как способом контаминирования, так и особенностями используемых операций и видом операторов. Так, при параллельном контаминировании могут использоваться не только сочинительные операторы, когда образуют, например, предложения с однородными членами, но и подчинительные, что приводит к предложениям иного типа. Ср.: В деревню приехали рабочие ht В деревню приехали механизаторы. —> В деревню приехали рабочие-механизаторы.

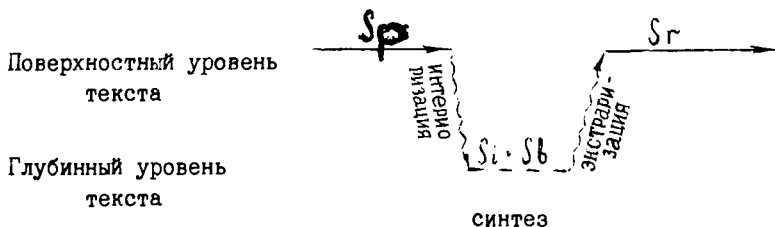
Обычно базовое предложение в составе результирующего оказывается независимым, а интродуктивное ему — подчиненным. Однако это отнюдь не обязательно. Поэтому мы разграничиваем энклитический (обычный) и проклитический типы результирующих предложений. Типично проклитическими являются сложные предложения с так называемым соотносительным подчинением: Отец долго не возвращался, что всех беспокоило. Особенность приведенного предложения заключается в том, что базовое предложение (N всех беспокоило) оказывается придаточным, формально подчиненным интродуктивному, которое, таким образом, становится главным (Отец долго не возвращался). Ср.: энклитический тип предложения: Всех беспокоило то, что отец долго не возвращался.

Лекция 6

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

(продолжение)

Из изложенного ясно, что контаминация протекает на глубинном уровне текста – аналоге внутренней речи. Сущность ее не сводится к синтезу S_i и S_b . Задача контаминации – вывести результат этого синтеза на поверхностный уровень. Учитывая взаимодействие поверхностного и глубинного уровней текста, можно выделить три фазы контаминации. Первая фаза, предварительная, заключается в преобразовании предшествующего предложения текста в интродуктивное. В психологическом плане это не что иное, как интериоризация – перевод внешней языковой формы во внутреннюю. Вторую фазу, основную, составляет указанный синтез базового и интродуктивного предложений. Сущность третьей, заключительной фазы контаминации сводится к реализации полученной на втором этапе семантической конструкции в результирующее предложение. По аналогии с первой третью фазу можно назвать экстраризацией. Фазы контаминации схематически представлены на рисунке:

Другие деривационные процессы также протекают на глубинном уровне, но обладают спецификой. Рассмотрим эти процессы.

К о н в е р с и я – процесс преобразования предложения, в результате которого грамматически переоформленными оказываются актанты и парципранты, лексические компоненты, зависимые от глагола или глагольного слова. Например:

- Плотники строят дом → Дом строится плотниками.
- Иван прочитал книгу → Книга прочитана Иваном.
- Я грезил морем → Море грезилось мне.
- Я люблю его → Он нравится мне.
- Я увлекаюсь математикой → Меня увлекает математика.

Остановимся на механизме конверсии. Производящее (исходное) предложение конверсии можно назвать прямым предложением, ибо в нем наблюдается соответствие семантических (лексических) актантав и синтаксических позиций:

П	С	Д
Плотники	строят	дом.
Sub	P	Ob

В производном (обратном или конверсном) предложении обнаруживается противоречие между актантами и занимаемыми ими позициями:

П	С	Д
Дом	строится	плотниками.
Ob	P	Sub

Отсюда следует, что в процессе конверсии меняются местами лексические актантаы: Sub (П) — Sub (Д); Ob (Д) — Ob (П).

При синтаксической конверсии используется чисто формальный, грамматический оператор. В данном случае в качестве оператора выступает залог, выраженный частицей -ся в глаголе (строить — строиться). Могут использоваться и другие операторы (предложения б, в и г).

Очевидно, конверсия существенным образом отличается от простой перестановки — инверсии членов предложения. При конверсии происходит не изменение порядка следования членов предложения, а смена позиций актантав в грамматической структуре предложения. Наблюдается своего рода переодевание семантических компонентов. Они получают необычное морфологическое оформление. Так, субъект действия приобретает одежду объекта или обстоятельства, а объект или обстоятельство — одежду субъекта.

Зачем нужна конверсия? Она играет важную роль в языках с развитой грамматикой, удовлетворяя некоторые потребности построения связного текста. В связном тексте функцию темы не обязательно должен выполнять субъект действия, а функцию ремы — объект. Сравним два предложения: а') Плотники строят дом, а'') Дом строят плотники. В первом случае мысль сводится к тому, что строится именно дом (P), а во втором — к тому, что строят его плотники. Но так как различие между а') и а'') чисто формальное, то ясно, что конверсия осуществляется с той же целью, которая достигается посредством простой инверсии.

Почему же тогда языки не обходятся инверсией? Она же значительно проще конверсии. Вероятно, это связано со стремлением во флективных языках зафиксировать тот или иной тип семантики P опре-

деленной морфологической форме, в данном случае в пассивной конструкции. Но, будучи закрепленным в определенной конструкции, указанный тип семантики получает относительную самостоятельность, независимость от текста. Это выражается в том, что законы инверсии (порядок слов) распространяются и на пассивные конструкции, в результате возникают новые противоречия между семантическими и синтаксическими актантами.

$$\begin{array}{ccc} \text{Об}(t) & \text{Sub}(r) & \text{Sub}(t) \\ \text{Об}(r) \text{ Действительно,} & \text{Дом строится плотниками} & \text{— Плотниками строится} \\ \text{дом.} & \text{Д} & \text{Д} \\ \text{П} & & \end{array}$$

Субъект действия выполняет функцию темы, но форма его прежняя-форма дополнения. Ср.: $\begin{array}{ccc} \text{Sub}(t) & \text{Об}(r) & \\ \text{Плотники} & \text{строят} & \text{дом.} \\ \text{П} & \text{Д} & \end{array}$

Таким образом, чтобы правильно оценить конверсное предложение, мы должны принять во внимание не два, как обычно, параметра (форму и содержание - семантику), а три: форму, семантику (лексическую) и функцию (в актуальном членении, определяемом текстом).

Из относительной независимости конверсной конструкции следует, что она может стать опрошенной, т.е. восприниматься в современном языке как непроезженная. Опрошению способствует частота употребления, благодаря чему нередко происходят изменения в самой конверсии. Так, в русском языке весьма часто элиминируется субъект в позиции дополнения, в результате нарушается соотношение активных и пассивных конструкций. Ср.: Дверь закрыта (кем-то — \emptyset), Комната прибрана (чистая, в порядке). Ср. также: Мне грустно — Я грущу; Лодку относит в море = Лодку относит ветер в море. Здесь маркированными (отмеченными) оказываются активные, а не пассивные конструкции. В таком случае деривационные отношения как бы перевертываются: простые структуры становятся конверсными, а конверсные - прямыми: Мне грустно — Я грущу; Сказка рассказана — Старик рассказал сказку.

Такого рода процессы можно назвать возвратной конверсией. Очевидно, возвратная конверсия порождает противоречие между формой и семантикой конструкции: по форме конструкция конверсная, а по значению - прямая. К такому результату могут приводить и некоторые глубинные, семантические процессы. Например: Трактор обрабатывает поле — Поле обрабатывается трактором (с помощью трактора), колхозниками.

Форма трактором приобретает семантику субъекта, когда действующий субъект (колхозниками) опускается. Поэтому в Трактор обраба-

тывает поле наблюдается перенос значения: трактор – одушевленный предмет. Регулярно "перевернутое" отношение конверсии имеет место в случаях типа .

Я увлекаюсь математикой Меня увлекает математика.

Я восторгаюсь письмом Письмо восторгает меня.

Таким образом, чисто формальный процесс приводит к семантическим сдвигам. Конверсию в таких случаях можно назвать семантико-синтаксическим процессом.

Как процесс конверсия не делится на фазы либо сводится, как видно из изложенного, к экстраризации заданного глубинного предложения.

Компрессия как процесс устранения излишних в информационном отношении компонентов протекает в двух срезах языка – в синтагматике и парадигматике. В результате синтагматической компрессии происходит структурная перестройка предложения, тогда в нем либо устраняется одна из позиций (например, при образовании односоставных предложений: Болит в боку; Скребется; Темнеет), либо она остается пустой (на нее указывают оставшиеся компоненты предложения, например в неполных предложениях: В кино (пошел, сижу и т.п.), либо ее занимает оставшийся компонент (Они собираются в поход, где в поход на месте идти). В процессе парадигматической компрессии синтаксическая структура предложения не подвергается никаким изменениям, ибо устраняются не формальные компоненты (знаки), а семы – семантические компоненты значения слова. В частности, вместо Где вы покупали апельсины? говорят Где вы брали апельсины? Замена означает, что из семантики глагола устраняется (компрессируется) сема „за деньги“. Следовательно, сущность парадигматической компрессии в том, что более конкретный компонент предложения заменяется более абстрактным, занимающим ту же позицию, и тем самым устраняются некоторые семы.

Однако не нужно отсюда делать вывод, что предложение или текст в целом становятся в результате компрессии информационно ущербными. Устраняются излишние компоненты. Оставшиеся компоненты так или иначе уже выражают то, что было заключено в компрессируемых компонентах. Например, в предложении Они собираются идти в поход содержание инфинитива целиком "укладывается" в значение смежного компонента в поход. Следовательно, инфинитив идти может без ущерба для содержания всего предложения быть устраненным. Предложение У преподавателя музыки хорошее пианино может быть заменено предложением У преподавателя музыки хороший инструмент, ибо ясно, что речь идет о музыкаль-

ном инструменте, и можно догадываться по контексту какой именно инструмент - пианино, баян и т.п.

Очевидно, что компрессированные парадигматические компоненты должны быть восполнены в синтагматике текста и наоборот. Это один из законов коммуникации, поскольку, чтобы достигнуть взаимопонимания, необходимо точно знать, о чем идет речь: компрессированный и некомпрессированный тексты должны быть идентичными по информативности.

Действие данного закона вызывает в области синтагматики функциональное и семантическое осложнение структуры предложения, а в области парадигматики языка - семантическую нейтрализацию лексической оппозиции. Устранение того или иного компонента предложения естественным образом приводит к осложнению смежных компонентов. Но в одних случаях осложнение носит чисто функциональный характер, а в других - семантический. Функциональное осложнение означает, что смежный компонент выполняет кроме функции собственной еще и функцию компрессированного. Так, после компрессии сказуемого обстоятельство берет на себя его функцию (С чужого коня посреди грязи дойой), определение - функцию компрессированного определяемого (Старший брат был серьезным молодым человеком, младший не вызывал доверия) и т.п.

О том, что компонент предложения осложнен, т.е. выполняет сразу две функции, свидетельствует зависимая грамматическая форма, которая в данном случае фактически ни от чего не зависит: дойой - наречие, обычно зависящее от глагола, младший - прилагательное без своего существительного. На осложненность компонента указывают и другие грамматические средства, например, интонация. Ср., осложнение приложения, которое одновременно выполняет функцию определяемого существительного: Только деньги любят брать, разбойники (А.П. Чехов).

Таким образом, в компрессированном предложении наблюдается определенное противоречие между грамматической формой и функцией: грамматическая форма остается прежней, но возникает новая функция, для осуществления которой данная форма не предназначена. Это противоречие может быть разрешено, если зависимый компонент приобретает форму компрессированного. В таком случае и происходит семантическое осложнение того или иного компонента предложения. Оно есть не что иное, как метонимизация.

Когда вместо продают употребляют в том же смысле дают, мы наблюдаем нейтрализацию лексем: глаголы продают и дают уже не различаются семантически.

Тип компрессии в области синтагматики определяется целым рядом факторов. На поверхностном уровне характер компрессии зависит от того, какой компонент принимает на себя функцию компрессированного. На этом основании разграничивают внешнюю и внутреннюю компрессии. Если компонент, принимающий на себя функцию компрессированного компонента, находится внутри того же предложения, то компрессия внутренняя, если вне его, то компрессия внешняя. Очевидно, внутренняя компрессия базируется на связности предложения, а внешняя - на связности текста. Например: Я гуляю → Гуляю (внутренняя); Ты идешь в кино или театр? → В театр (внешняя).

Более содержательным критерием разграничения типов компрессии является способ компрессии, обусловленный тем, какого рода оператор используется. Можно выделить два основных способа компрессии: эллиптический и субституционный. При эллиптическом способе оператором служат продленные семы смежных компонентов. Так, в случае Все студенты находятся на лекции → Все студенты на лекции две семы глагола находиться: сема глагольности и сема места - выражены предложным оборотом на лекции. Предлог на в сочетании с формой предложного падежа выражает местонахождение, вместе с тем обстоятельная форма оборота свидетельствует о пропуске именно глагола. Субституционный способ называется так потому, что при компрессии используются субституты-заменители. Субститутами могут быть дейктики (местоименные слова) и словообразовательные аффиксы. Первый субституционный способ называется дейктическим, второй - универбальным. Универбальный способ, очевидно, относится к словообразованию, т.е. к лексической деривации. Дейктический способ занимает промежуточное положение между лексической и синтаксической деривациями, поскольку предполагает некоторое преобразование синтаксической единицы - словосочетания - в лексему-дейктику. Ср.: Космический корабль подлетал к неизвестной звезде. Он произвел торможение. Здесь, очевидно, имело место следующее преобразование: Космический корабль, подлетающий к неизвестной звезде → Он.

Собственно синтаксическим является эллиптический способ. С помощью его образуются прежде всего разнообразные эллиптические кон-

струкции: односоставные и неполные предложения. Различие последних заключается в том, что в первых синтаксический нуль занимает место компрессированного компонента, крайне обобщенного и неопределенного по содержанию или, напротив, предельно определенного и в данной позиции единственно возможного, а во вторых опускается достаточно конкретный компонент, который при восприятии текста нуждается в специальном "восстановлении".

Для иллюстрации этого различия рассмотрим предложение Горит! Мы можем его квалифицировать и как односоставное, и как неполное, в зависимости от того, какое подлежащее компрессировано. Если имеется в виду, что горит нечто неопределенное, говорящий сообщает, что произошел пожар, то предложение односоставное. Если же имеется в виду определенный предмет, например, дом соседа, что может быть ясно из ситуации общения или предшествующего текста, то предложение Горит! - неполное. Таким образом, различие между односоставным и неполным предложениями определяется не формой оставшихся после компрессии компонентов, а семантической природой компрессированных. Предложение Говорят односоставно, если речь идет о людях вообще, о каких-то людях. Предложение В боку болит тоже односоставно, если компрессировано подлежащее что-то и т.п. Правда, предложение типа Иду мы всегда расцениваем как односоставное, но это потому, что форма глагола всегда предполагает компрессию местоимения Я и только этого местоимения. Следовательно, мысленное "восстановление" действующего субъекта нуждается в поддержке других компонентов предложения или текста (ситуации) в целом.

Результаты компрессии, приводящей к односоставным предложениям, закрепляются в языке как синтаксическая форма. Это значит, что деривационная связь односоставного (производного) и соответствующего двусоставного (производящего) предложения утрачивается и, как следствие, структура односоставного подвергается "опрощению". Например, предложения типа Светает, морозит в современном языке явно опрощенные, т.е. производны лишь в этимологическом смысле. А.А.Потебня утверждал, что эти предложения произошли от предложений тождества: Свет светает, мороз морозит. Однако если в современном языке такие предложения и возможны, хотя, по стилистическим соображениям, редко употребляемы, то форма прошедшего времени таких глаголов уже не позволит построить двусоставное предложение данного типа (нельзя Подморозило мороз и т.п.). Не случайно мы употребляем как

синтаксические фразеологизмы Пронесло, Так и вышло и под.

Синтаксическая компрессия может иметь и другие результаты. Благодаря ей компоненты предложения, не изменяя формы, приобретают необычные функции. Этим объясняется нетипичность (вторичность) формы членов предложения. Так, наречная форма может выполнять функции определения: коробка из-под пилюль, яйца всмятку и т.п. Компрессия иногда обуславливает необычное управление. Например, пригласили на свадьбу из пригласили приехать (прийти, пожаловать и т.п.) на свадьбу; ходили на медведя из ходили охотиться на медведя и т.п. Наконец, благодаря компрессии возникают целые классы слов. Так называемые модальные (вводные) слова обязаны своим появлением компрессии: вводные слова деривационно и этимологически восходят к вводным предложениям, подвергшимся компрессии. Например: Редко, признаюсь, пишу письма. Я признаюсь в том, что редко пишу письма; Сро-ро, очевидно, настанут холода ← Скоро настанут холода. Это очевидно.

Такую категорию слов, как частицы (по крайней мере некоторые), можно также рассматривать как следствие компрессии. Такова усиленная частица и, которая явно возникла из сочинительного союза. Так, в предложении Они мне и ночью покоя не дают частица и - "осколок" союза и, соединявшего однородные члены днем и ночью, где днем ввиду его очевидности компрессировано.

Не трудно видеть, что компрессия также протекает на глубинном уровне порождения текста. Однако в отличие от конверсии она обращена к предшествующему предложению текста. Поэтому компрессия имеет фазу интериоризации, где определяется, какие компоненты предложения могут быть устранены и какой способ их устранения выбран. Естественно, предполагается и фаза экстраризации, где осуществляется тот или иной способ компрессии.

Таким образом, компрессия занимает в динамической системе языка весьма важное место. Она обеспечивает разнообразие синтаксических форм. Теория компрессии - способ объяснения многих фактов языка.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Лексической деривации подвергается основная единица языка – слово. Слово существенно отличается от предложения в системе языковых механизмов. Если предложение по преимуществу производится, т.е. каждый раз создается заново (и к этому сводится его жизнь в языке), то слово в основном воспроизводится в речевой деятельности, хотя каждый раз своеобразно, неповторимо, т.е. используется как готовая единица, хранящаяся в памяти. Отсюда, казалось бы, следует вывод, что предложение – единица динамическая (нередко говорят: речевая), а слово – единица статическая (обычно говорят: языковая). В действительности же слово также динамическая единица, сущность которой состоит в ее непрерывном функционировании, постоянном видоизменении, обновлении. Однако слово функционирует не так, как предложение. Предложение – компонент текста. Более того, как в капле воды заключены свойства воды вообще (капля – та же вода), так и в предложении – все свойства текста. Предложение есть тот же текст. Иное дело – слово. Оно не имеет свойств текста, хотя в конечном счете текст "составляется" из слов. В этом отношении слова подобны химическим элементам вещества: водород и кислород "составляют" воду, но не обладают ее свойствами.

Чем же характеризуется слово как динамическая единица? Оно противоречиво. С одной стороны, слово – неотъемлемая часть текста, ибо текст "строится" из слов, как здание из кирпичей. С другой стороны, слово не принадлежит тексту, поскольку оно связано сейчас и может быть связано в будущем с неопределенным множеством текстов. Таким образом, слово принадлежит данному тексту и вместе с тем не принадлежит ему. Этим противоречием и объясняются многие динамические свойства слова. Действительно, слово и конкретно, и абстрактно в одно и то же время. Как элемент текста, оно предельно конкретно (в той степени, в какой конкретен данный текст), связано со всеми другими словами текста, которые так или иначе уточняют, ограничивают его значение, делают его метой данного денотата. Но поскольку слово употреблялось в других текстах, где оно выполняло также функцию меты, оно связывает данный текст с другими текстами, т.е. выражает то общее, что объединяет эти тексты, и потому по необходимости абстрактно.

Слово выражает данную мысль, "разлитую" в данном тексте, и

вместе с тем, будучи связанным с огромным числом других мыслей, "разлитых" в тех текстах, в которых оно употреблялось, оно не выражает данной мысли, а лишь намекает на нее. Слово - представитель текста в целом, и поэтому в нем сконцентрировано все содержание текста. Но текст не сводится к слову, оно занимает в нем ограниченное место и является представителем только предложения или даже словосочетания, а значит, содержание слова ограничено содержанием предложения или словосочетания. Можно было бы отметить и другие противоречивые свойства слова, но все они так или иначе есть отражение основного противоречия между его текстовой и внетекстовой природой.

Свойства слова вообще, т.е. любого и каждого слова, по-разному проявляются в тех или других классах слов. Очевидно противопоставление по определенным свойствам знаменательных и служебных слов, узуальных и окказиональных слов, лексических и синтаксических дериватов.

Все сказанное позволяет разобраться в сущности сложнейшего механизма лексической деривации.

Термин "лексическая деривация" может использоваться в широком и узком смысле. В широком смысле лексическая деривация обозначает образование любого слова вне зависимости от того, в какой форме протекает этот процесс. Но образовываться слово может с помощью самых разных механизмов. Возможны аналогия = калькирование с иностранного образца (например, на + реч + ие как *adverbium*), переосмысление слова путем метафоризации или метонимизации (семантическая деривация), слияние самостоятельных слов в одно (так называемый морфолого-синтаксический способ словообразования - по В.В.Виноградову), компрессия (столовая комната → столовая), образование слова с помощью специальных операторов - формантов.

В узком смысле лексическая деривация - это определенный механизм образования слова. Она осуществляется по строгим правилам с помощью имеющихся в языке формальных средств, так называемых формантов. Собственно словообразование, как обычно употребляется этот термин в русских грамматиках, и есть лексическая деривация в узком смысле слова. Продуктом ее является формально производное слово.

Механизм образования производного слова может быть передан общей формулой деривационного шага: $A + \alpha \rightarrow B(A\alpha)$, где

А и В - слова, α - формант, выполнявший роль оператора деривации. Например, петь + ние → пение, дерево + янн → деревянный, производство + енный → производственный и т.п. Словообразование обычно и сводят к отношениям между производным и производящим словом. В таком случае решаются две основные проблемы: проблема словообразовательного типа, под которым понимаются отношения между производным и производящим словами (ср.: петь → пение, стареть → старение и т.п., т.е. класс словообразовательных пар, объединенных формантом или другими признаками), и проблема словообразовательного гнезда, под которым понимаются отношения между последовательностью деривационных шагов. В сущности речь идет либо о парадигматике словообразовательных отношений (словообразовательный тип), либо о синтагматике (словообразовательное гнездо). Однако в обоих случаях исследуется статика языка, хотя исследуемый материал по природе своей динамичен.

Динамический подход к словообразованию требует изучения не просто текста, а текста в процессе его образования. Это значит, что словообразование нужно рассматривать в коммуникативном аспекте, как некоторый момент языковой коммуникации. Необходимо определить место лексической деривации в общей динамической системе языка, в частности, в системе деривационных механизмов. С этой точки зрения лексическая деривация, как это ни парадоксально, есть синтаксический процесс, т.е. процесс, непосредственно связанный с образованием предложения в тексте. Именно так понимали словообразование представители логического языкознания. Ф.И. Буслаев, например, иллюстрировал образование слова сеятель преобразованием предложения Кто сеет, ожидает жатвы в предложение Сеятель ожидает жатвы.

Конечно, нельзя полностью исключить возможность образования слова от слова. Например, ученый, решающий задачу, как назвать открытое им явление, может сознательно поставить перед собой цель образовать новое слово по образцу известных ему слов. Таково калькирование в чистом виде в области научной и технической терминологии. Однако в большинстве случаев говорящие образуют слова отнюдь не с целью назвать какое-то новое явление. Лексическая деривация, как и любой другой тип деривации, в конечном счете удовлетворяет потребность в построении текста. Текст, как известно, должен быть

связным и вместе с тем компактным. Слово, образуемое при создании текста, выполняет одновременно обе функции - обеспечивает связность и компактность текста. Как это происходит?

Очевидно, слово служит номинацией, обозначением некоторого денотата или понятия. Между тем номинация на поверхностном уровне текста отнюдь не сводится к слову. Она может быть выражена в самых различных единицах, начиная с морфемы или служебного слова и кончая целым текстом (если текст также считать "единицей"). Поэтому определение слова через номинацию требует целого ряда ограничений: 1) это номинация неразвернутая, компактная (в отличие от словосочетания, предложения, сверхфразового единства и т.п.); 2) это самостоятельная номинация, т.е. она может быть "отторгнута" от смежных аналогичных номинаций, не потеряв связей с ними и сохранив свое "лицо" (в отличие от морфем, которые не могут быть переставлены относительно друг друга). Эти и другие ограничения, накладываемые на номинацию слова, являются признаками его как статической единицы.

Рассматривая слово в динамическом аспекте, т.е. в процессе его образования, мы должны подчеркнуть, что оно является вторичной номинацией. Иначе говоря, слову (точнее - производному слову) должна предшествовать некоторая другая номинация. Именно преобразование последней порождает производное слово. Что собой представляет предшествующая номинация и как она "отображается" в производном слове? К решению этого вопроса сводится суть проблемы лексической деривации.

Предшествующая номинация - развернутая номинация, и ее преобразование в слово, т.е. компактную номинацию, можно расценивать как процесс компрессии. А компрессии подвергается тематическая часть предложения, т.е. та, которая соответствует интродуктивному предложению в терминах контаминации. Исходя из особенностей собственно синтаксической деривации, можно более содержательно охарактеризовать лексическую деривацию, как формальное словообразование.

Предшествующая номинация, как совершенно очевидно, организована структурно, т.е. она членима, причем ее части находятся в определенном отношении друг к другу. Поскольку эта номинация - по форме предложение, в ней выделяются тематическая и рематическая части. С точки зрения теории номинации обе части могут соответ-

ственно квалифицироваться как объект (тема) и его предикат (рема) или класс объектов (отождествляющий компонент) и его признак (дифференцирующий компонент, позволяющий отличать класс от других классов).

В структуре производного слова можно обнаружить аналогичные компоненты. В самом деле, слово сеятель имеет две части: -тель - отождествляющий компонент, компонент класса деятелей, и сея - дифференцирующий компонент, дающий возможность выделить из класса деятелей вообще именно тех, кто сеет, а не тех, что читает, возражает и т.п. В большинстве производных слов мы наблюдаем именно такое соответствие. Однако в принципе суффикс (или другой формант) может быть дифференцирующим компонентом номинации, а основа - классифицирующим (ср. стол-ик). Важно подчеркнуть, что производное слово расчленяется таким же способом, как и предшествующая номинация. Случайно ли это? Нет. Мы можем выдвинуть гипотезу, согласно которой производное слово есть результат преобразования предшествующего предложения (поскольку оно предшествующее, то по функции является уже номинацией, хотя по форме может быть как предложением, так и словосочетанием). Как же представить этот процесс преобразования?

Рассмотрим текст: Он делал куклы. Кукольника любили дети. Второе предложение - результат контаминации. Его тему составляет производное слово кукольник, которое расчленяется на кукол и ник. Первое же предложение - интродуктивное по отношению ко второму - содержит семантически идентичные компоненты Он делал + куклы. С большой вероятностью можно предполагать, что говорящий, образуя слово кукольник, проделал следующие операции: 1) поставил тему предшествующего предложения Он делал в соответствие суффиксу -ник, а рему куклы - в соответствие основе кукол; 2) образовал новое единство на другом, лексическом уровне, в чем-то аналогичном темо-рематическому единству на синтаксическом уровне. К этим двум операциям и сводится в данном случае лексическая деривация. В чем смысл процесса? В том, что вместо трех слов в предшествующем предложении мы имеем одно в последующем. При этом последующее предложение оказывается связанным с предыдущим, так как информация предыдущего целиком повторяется в последующем. Этот особый вид компрессии именуется универбизацией, отличительный признак которой - использование словообразовательных формантов в качестве операторов деривации. Количество компонентов универба и предшествующего пред-

ложения может быть одинаковым (ср.: Он учит → учитель), но лексическая деривация по-прежнему будет представлять собой компрессию: более сложная единица – слово замещается более простой – морфемой.

Разумеется, процесс словообразования выражается на поверхностном уровне текста отнюдь не всегда прямо и непосредственно. Но важно, что когда производное слово действительно образуется в речевой деятельности говорящего, а не используется как готовая, извлеченная из памяти единица, то в предшествующей части текста мы обычно находим компоненты, соответствующие компонентам образуемого слова. Возьмем отрывок из рассказа В.Т.Короленко "Яшка": "Гулко раздавался по временам сильный стук. Это Яшка тревожил тишину коридора. Этому стукальщику скоро вот то же будет, – как-то недружелюбно мотнул Михеич головой в сторону Яшкиной двери". Здесь производное стукальщик формально и семантически опирается на предшествующий предикат раздавался стук (стучал) и субъект данного действия Яшка. Ср. семантический неологизм у Л.Давыдычева: "Давай, отмывай меня, – затараторил Петька, – а то мне попадет. И всю жизнь мне попадает! – с горечью вырвалось у него. – Вы даже и представить себе не можете, что у меня за жизнь? Не жизнь, а сплошное попадание".

Полагать, что словообразование в целом может быть сведено к компрессии, нельзя. Существует еще одна причина лексической деривации, не связанная с потребностью компрессирования текста. Это причина чисто формальная, чисто лингвистическая. Я бы назвал ее давлением синтаксической системы языка. Проанализируем пример: Он великолепно пел, Его великолепное пение потрясло публику. Факт образования слова здесь налицо. Но компрессия явно отсутствует. Предшествующее предложение Он великолепно пел трансформируется в словосочетание его великолепное пение, в связи с чем и происходит словообразовательная перестройка компонентов этого предложения: пел → пение, великолепно → великолепный. Очевидно, словообразование в данном случае служит чисто структурным целям – сделать последующее (в терминах контаминации – результирующее) предложение формально правильным и в то же время простым.

Таким образом, лексическая деривация – сложный процесс. Он включает, с одной стороны, компрессию (универсальный способ компрессии), с другой – простую транспозицию одних частей речи в другие. Лексическая деривация как бы "обслуживает" процессы образования предложений (контаминацию) и представляет собой определенные способы преобразования одного из исходных для контаминации предложений – интродуктивного.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Семантические деривационные процессы являются *п о с т с е - м а н т и ч е с к и м и* процессами (термин У.Чейфа), т.е. они преобразовывают уже заданное денотативное содержание высказывания (текста). Преобразование заключается в семантической интерпретации денотата, в особом способе его языкового представления в поверхностной структуре предложения, где он получает вторичное выражение. Когда мы, видя перед собой ворону, называем ее птицей (вспомним В.Маяковского: малыш "спорит с грозной птицей") или летчика - соколом, мы пользуемся вторичными выражениями. Эти выражения являются результатом семантической деривации. В отличие от соответствующих первичных, от некоторых они производны, вторичные выражения несут некоторый дополнительный смысл, связанный не с символизацией обозначаемого объекта, а с отношением к нему говорящего, с той или иной его оценкой. Иначе говоря, результатом семантической деривации является не только преобразование формы языкового выражения, но и семантическое приращение прагматического характера.

Мы выделяем три основных типа семантической деривации: смещение, метонимизацию и метафоризацию. Каждый из них имеет аналог в типах синтаксической деривации.

С м е щ е н и е можно назвать семантической конверсией. Подобно конверсии оно сводится к синтаксическому переоформлению семантических компонентов предложения. Однако если конверсия имеет своим оператором формальный показатель, выраженный в предикате или оппозицией предикатов, то смещение - чисто семантический оператор-противоречие между формой и содержанием семантического компонента. Так, в пушкинской строчке "Супруг тебе простер торжественную руку" определение лишь по форме является определением, а по содержанию относится к глаголу, т.е. служит обстоятельством. Ср.: Супруг торжественно простер руку.

В процессе смещения семантический компонент попадает в чуждую для него синтаксическую позицию и соответственно оформляется морфологически. При этом нет достаточно определенных ограничений на правила "перемещения": в принципе любой семантический компонент может быть оформлен любым членом предложения. Однако областью действия смещения является не область актантов, как при конверсии, а

область признаковых компонентов.

Выделяется два основных вида смещения: гомогенный и гетерогенный. При гомогенном смещении признаковый компонент оформляется как определение или обстоятельство, т.е. как члены предложения, призванные выражать признаки предмета. Признак действия оказывается в позиции определения (в приведенном примере), а признак предмета - в позиции обстоятельства. Например, у А.Блока мы встречаем: "Где-то светло и глубоко неба открылся клочок" (ср.: где-то открылся клочок светлого и глубокого неба). Признак предмета может выражаться определением, но определением к другому существительному. Ср: "Чайки белый взмах мелькнет" (В.Брюсов) вместо Белой чайки взмах.

Гетерогенное смещение предполагает игру оформления признаков и актантов: признак оформляется как актант, т.е. существительное, а актант, напротив, как прилагательное или, шире, определение. Например, в предложении Розовеет в заре старое золото кремлевских маковок (Л.Леонов) словосочетание золото маковок является результатом смещения, в процессе которого предмет и его признак как бы меняются местами: золотые маковки — золото маковок. Семантически первичное предложение: Крест сиял на брюхе попа лежит в основе блоковского "И крестом сияло брюхо на народ", где признак места (на брюхе) перемещается в позицию актанта, а актант (крест) - в позицию признака действия.

Не трудно убедиться, что смещение, обеспечивая переоформление семантических компонентов, позволяет выделить их, сосредоточить на них внимание, сфокусировать. Фокусирование смещенных компонентов - основное назначение данного процесса.

М е т о н и м и з а ц и я есть процесс, аналогичный компрессии. В результате компрессии устраняются компоненты, семантика которых является чисто грамматической (люди говорят → говорят; Студенты находятся на лекции — Студенты на лекции) или целиком выражается другим предложением текста. Например: У него было два сына. Один работал инженером. Но устраняться могут и компоненты, не выраженные в другом месте текста и вместе с тем обладающие не чисто грамматической семантикой. Тогда мы и говорим о метонимии. Так, в результате метонимизации предложения Состоялось заседание кафедры получим Состоялась кафедра, где конкретное существительное кафедра вбирает в себя смысл действия заседание и тем самым, не переставая быть конкретным, становится абстрактным. Такое против-

речие и служит своеобразным показателем метонимии, ее оператором.

Метонимизация теснейшим образом связана со смещением. При метонимизации устраняется независимый компонент, что влечет за собой соответствующую перестройку предложения. Чтобы предложение оставалось правильным, сохранившийся зависимый компонент "перемещается" в позицию компрессированного и, следовательно, "переодевается" в его грамматическую одежду. Так, устранение из предложения: Жилы дома спят подлежащего жилы создает своего рода зияние. Оно ликвидируется благодаря заполнению определением дома в процессе смещения, и мы получаем Дом спит, где новое подлежащее выполняет двойную функцию - функцию бывшего подлежащего и собственную функцию определения.

Очевидно, метонимизация приводит к переносу значения: неодушевленное дом становится одушевленным. Таким образом, метонимизация включает две операции: 1) компрессию независимого компонента (жилы $\rightarrow \emptyset$) и 2) смещение (определение дома \rightarrow подлежащее дом).

Нашему определению метонимизации, казалось бы, противоречит случай типа Он съел одну тарелку супа, Он выпил один стакан чая и т.п., компрессия которых непосредственно приводит к метонимии. Действительно, предложения метонимичны. Но они не требуют смещения, так как устраняется независимый компонент и предложение поэтому остается правильным. Однако словосочетания тарелка супа или стакан чая уже представляют собой результат смещения: тарелка или стакан - мера налитой в них жидкости, т.е. признак последней. Следовательно, компрессии подвергнутся семантически независимые компоненты, но так как смещение уже произошло, то перестройки предложения, связанной со смещением, не требуется.

М е т а ф о р и з а ц и я. В основе метафоры лежит контаминация двух предложений. Особенность метафоризации определяется типом оператора: используется оператор сравнения, получающий в результате предложении семантическое выражение. Рассмотрим контаминацию предложений: Облака передвигаются по небу, Люди гонятся друг за другом. Их контаминация с помощью союза как будто дает сложноподчиненное предложение: Облака передвигаются по небу, как будто люди гонятся друг за другом. Преобразование такого предложение в простое есть механизм образования метафоры. Он предполагает 1) совмещение синтаксически тождественных компонентов:

{ Облака } как { передвигаются } друг за другом по небу;
{ Люди } { гонятся }

2) устранение лишних компонентов: из двух предикатов остается тот, который семантически богаче. Гоняются занимает место передвигаются, поскольку гоняются включает сему передвижения. Выбор субъекта диктуется связным текстом: так как речь идет об облаках, устраняется луди. Оператор также компрессируется. В результате мы имеем: Облака гоняются друг за другом по небу.

Метафора предикативна по природе. Поэтому в центре ее находится глагол. Этому, казалось бы, противоречат некоторые факты. Так, носителем метафоры может быть определение, например выделенное прилагательное в предложении: В углу стояло пузатое ореховое бюро. Однако определение есть не что иное, как вторичный предикат. Метафора может занимать даже позицию подлежащего. Но и в таком случае она деривационно восходит к предикату. Возьмем предложение: Этот медведь опять отдал мне ногу! Если медведь здесь метафора, то в памяти участников коммуникации должен сохраниться (или предполагаться!) деривационный акт приписывания качеств медведя носителю данного действия ("отдал ногу"). Следовательно, в основе приведенного предложения лежит утверждение типа "Этот человек как медведь", а его подлежащее – вторичный предикат. Предикативность метафоры, вне зависимости от ее синтаксической формы, обычно обнаруживается в тексте. Ср.: Горы плавными волнами уходили к юго-западу. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутывались синевой.

Метафоризация – сложнейший процесс. Опираясь на контаминацию, он включает в себя не только компрессию, но и конверсию. Например, метафоричность предложения Он мучился в пламени сомнения связана с конверсией конструкции: Сомнения как (похожи на, напоминают) пламя, откуда пламя сомнений.

Компактность и необычность обозначения объекта и выражения мысли – вот прагматические особенности воздействия на декодирующего, которых добивается кодирующий путем использования семантической деривации. Современная лингвистика еще только начала исследовать данные процессы, хотя сами по себе они известны давно и о метафорах и других переносах написана гора литературы.

ОБЛАСТИ ПРИЛОЖЕНИЯ ДЕРИВАЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Деривационная теория является достаточно общей лингвистической теорией, чтобы можно было говорить о разнообразных областях ее приложения. К таким областям относятся в первую очередь естественный язык, взятый в синхронно функциональном или историческом срезе (собственно лингвистическая область), искусственные языки, созданные в целях специального общения (семиотического). Особой областью служит методика преподавания языка (психо-педагогическая область). Сферой приложения деривационной теории можно считать, например, поэтику художественного текста, где образование приемов носит явно деривационный характер, или риторiku.

Собственно лингвистическая область приложения деривационной теории охватывает, с одной стороны, речевую практику говорящих, с другой — историческое развитие языка. В том и другом случае дериватология должна объяснять факты образования языковых единиц, речевых конструкций, текста в целом. Каждый такой факт своеобразен, неповторим, и, хотя в основе его лежат общие законы деривации, он нуждается в специальном толковании. По отношению к каждому классу единиц деривационная теория требует особой интерпретации. Отсюда понятно, почему теорию словообразования, теорию фразообразования в широком смысле или текстообразование мы рассматриваем как соответствующие интерпретации общей теории — дериватологии.

Как известно, современная дериватология разрабатывается в основном на материале слова или предложения, т.е. в применении к значимым единицам, единицам плана содержания. Однако не существует принципиальных ограничений на материал дериватологии, и общие положения этой теории можно перенести и на план выражения языка. Так, полную и неполную редукцию звуков можно считать проявлением закона компрессии в плане выражения (ср. закон экономии в фонетических изменениях А.Мартине). Но особый интерес с деривационной точки зрения представляют суперсегментные единицы — интонация, ударение, ритм. Как звуковой коррелят текста, ритм заслуживает самого пристального внимания, но до сих пор почти не исследован лингвистами. Есть основания предполагать, что законы ритмообразования в чем-то аналогичны законам текстообразования. Их изучение — ближайшая задача дериватологии.

До сих пор мы говорили о языке вообще. Но в каждом конкретном языке законы деривации реализуются по-своему. Сравнение языков в деривационном аспекте обогащает дериватологию, позволяет провести более четкую границу между универсалиями и идеосинкретическими компонентами языковой деривации. Типологические исследования деривационных процессов являются, очевидно, необходимой составной частью общей дериватологии. В этой связи следует подчеркнуть значение изучения перевода с одного языка на другой. Как вторичное порождение текста, перевод представляет собой благодатный материал деривационных исследований.

Трудно переоценить роль деривационной теории в приложении к истории языка. Можно с уверенностью утверждать, что изменение языковой системы является в основном следствием деривационных процессов. Именно потому, что деривация, вообще говоря, всегда приводит к новым единицам языка, т.е. единицам, которые чем-то отличаются от уже существующих, хранящихся в памяти говорящих, система языка оказывается неустойчивой и открытой для инноваций и неологизмов. Следовательно, анализ деривационных процессов должен пролить свет и на историю языка. Генетические изменения в конечном счете объясняются деривационными законами и правилами. Предварительные наблюдения показывают, что история той или иной языковой конструкции соответствует ее деривационной истории. Так, деривационное различие между генетически смежными конструкциями обычно сводится к одному шагу. Причем более ранней по времени возникновения является конструкция в деривационном отношении более простая. Ср. формирование в русском языке придаточных с относительным подчинением: им предшествовали более простые конструкции с "независимыми" предложениями, связанными анафорически.

Деривационный анализ древних текстов позволяет более глубоко объяснить эволюцию языковой системы.

Семиотическая область приложения дериватологии ограничена прежде всего созданием искусственных языков, информационно-поисковых систем, языков-посредников в машинном переводе и т.п. Однако возможно, что деривационные законы, действующие в языковых системах, могут быть использованы и при исследовании других знаковых систем типа архитектуры, живописи и т.п.

Актуальной и практически значимой проблемой является моделирование процесса общения человека и машины. Проблема эта комплексная, она может быть решена лишь совместными усилиями представителей различных наук и технических специальностей. Но постановка проблемы требует серьезного лингвистического обеспечения. Ведь для того, чтобы коммуникация человека и машины была достаточно эффективной, они должны владеть весьма близкими, если не тождественными, по выполняемым функциям языками: это значит, что язык машины должен иметь хотя бы некоторые существенные свойства человеческого языка. К таким свойствам относится способность человеческого языка создавать новые единицы и строить тексты, удовлетворяя потребности интеллекта в осмыслении окружающего мира. Следовательно, машинный язык не может быть просто средством хранения и выдачи заложенной в машину информации. Он должен стать средством выражения некоторого творческого начала машинного "интеллекта". Поэтому нужно предусмотреть в машинном языке деривационный компонент - правила свертывания и развертывания текстов.

Создать такой компонент чрезвычайно сложно. Если человек пользуется деривационными правилами, опираясь в значительной степени на интуицию, то для машины такой путь протекания деривационных процессов заранее исключен: она может руководствоваться лишь эксплицитно выраженными формальными предписаниями. В связи с этим деривационные правила не могут быть механически "переписаны" с человеческого языка на машинный. Они должны быть соответствующим образом преобразованы, представлены в принципиально ином виде - как правила формальные, привязанные к схемам деривационных процессов и в значительной степени алгоритмизированные. Этот пример показывает, что задача применения деривационной теории при создании искусственных языков - задача самостоятельная, требующая не просто корреляции отдельных положений, а разработки специфической методики, введения дополнительных постулатов и т.п.

Психолого-педагогическая область приложения деривационной теории также имеет специфику, определяемую теми целями, которые преследует педагогика.

Методика преподавания языка может ставить перед собой различные цели: познакомить с теорией языка, научить анализировать тексты на данном языке, понимать их, продуцировать и т.п. Чтобы достичь одних методических целей, можно не обращаться к деривационной теории.

Другие, напротив, без нее трудно достижимы. К таким целям относится прежде всего выработка навыков продуцирования речи, навыков построения текста на данном языке.

В методике разграничиваются два основных типа тренировочных упражнений: аналитические, цель которых - выработать навык анализа заданных текстов, и синтетические, цель которых выработать навыки конструирования языковых единиц. Нетрудно понять, что последние упражнения способствуют овладению деривационными правилами языка. Ср. задания вида разобрать предложения, определить морфологический состав приведенных слов и т.п. и задания вида составить сложное предложение из двух простых, заменить придаточное предложение причастными (деепричастными) оборотами, образовать производное слово с помощью суффикса или приставки и т.п. Выполнение синтетических упражнений, очевидно, требует от учащихся больших творческих усилий и в большей степени способствует развитию речи. Важную роль синтетические упражнения приобретают в процессе обучения иностранному языку, когда учащиеся не владеют даже основными деривационными правилами языка и вынуждены тратить массу времени на заучивание производных слов, на интуитивные поиски правил образования текста (словосочетаний, предложений) путем анализа текстов, опираясь также интуитивно на чем-то аналогичные правила родного языка. Нетрудно видеть, что значение деривационной теории, сознательное ориентирование на нее делает обучение языку более эффективным и целенаправленным, более интересным и привлекательным для обучающихся процессом.

Задача внедрения деривационной теории в школьную и вузовскую практику обучения языку является одной из актуальных прикладных задач нашей науки.

ОСНОВНАЯ РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В.И. К вопросу о диалектике.- Полн.собр.соч., т. 29.
Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1982, разделы "Введение", "Диалектика", "Основная форма движения".
Адамец П., Грабе В. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения.- *slavia*, 1968, №2.
Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян Ю.Д. Синонимия конверсивы.- Русский язык в национальной школе, 1970, № 6.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. - Известия АН СССР, т.У, вып.4, 1946.

Кацнельсон С.Д. Порождающая грамматика и принцип деривации. В кн.: Проблемы языкознания. М., 1967.

Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия. - Вопросы языкознания, 1974, №5.

Кубрякова Е.С. Панкрац В.Г. Типы деривационных процессов. - В кн: Теоретические проблемы деривации. Пермь, 1983.

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1959.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969, гл.Ш, с.94-134.

Мигирин В.Н. Очерки по теории переходности в русском языке. Белыцы, 1971.

Мосальская О.И. Синтаксическая парадигматика и синтаксическая деривация. - Проблемы общего и романо-германского языкознания. М., 1978.

Мурзин Л.Н. Логическая и психологическая трактовка синтаксических процессов. Пермь, 1980.

Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстобразования. - В кн.: Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982.

Мурзин Л.Н. О динамической природе языка. - В кн.: Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л., 1983.

Научно-техническая конференция "Проблемы дериватологии". Пермь, 1981, вып. I, II.

Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978.

Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс. - В кн.: Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.

Сахарный Л.В. Структура слова-универба и контекст. - В кн.: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.

Сильницкий Г.Г. Славин А.В. Проблема соотношения языка и мышления и "порождающая" модель языка. - Вопросы философии, 1980, 77.

Ураковский В.С. Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973.

Шмелев Д.Н. О третьем измерении лексики. - Русский язык в школе, 1971, 72.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Лекция 1. К становлению дериватологии	3
Лекция 2. Предмет дериватологии	9
Лекция 3. Методологические основы и методика исследования деривационных процессов	16
Лекция 4. Текстобразование и основные законы деривации...	22
Лекция 5. Синтаксическая деривация	26
Лекция 6. Синтаксическая деривация	33
Лекция 7. Лексическая деривация	41
Лекция 8. Семантическая деривация	47
Лекция 9. Области приложения деривационной теории	51
Основная рекомендуемая литература	54

